

Д.Л. Шереметьева

**Политические взгляды Е.Е. Колосова
в годы революции и гражданской войны
(март 1917 – январь 1920 г.)**

«Социалист типа „Керенский“», – так красноярский большевик Н. Калиновский летом 1917 г. охарактеризовал сибирского эсера, профессионального публициста и политического деятеля Евгения Евгеньевича Колосова¹. В эту емкую характеристику вложено представление о популярности и авторитете Колосова, его выдающихся ораторских способностях, остром полемическом стиле статей и стремлении к политической самостоятельности. Но уже осенью 1917 г. сравнение с А.Ф. Керенским звучало тяжелым обвинением в идеализме, самолюбовании, демагогии, политической близорукости и безответственности. Как и все аналогии, приведенная нами выше, верна лишь отчасти. Она задает самый общий образ политика, не раскрывая мир его мыслей и поведения.

Между тем личность и деятельность Колосова вызывают интерес не только для выявления «родимых пятен» российской социалистической интеллигенции и причин провала ее политики «третьего пути» в революции и гражданской войне. Для историков Сибири Колосов прежде всего важен и интересен тем, что на протяжении 1917–1919 гг. он активно занимался здесь политической деятельностью, вращался в эсеровских и областнических кругах, стремился выражать интересы широких масс местного населения. Тем самым изучение его суждений и поведения открывает возможности глубже понять политический дискурс эсеров, определить динамику и раскрыть специфику борьбы за власть на востоке России.

Исследователи политических процессов в Сибири периода революции и гражданской войны интересовались ролью в них партии эсеров в целом и партийными деятелями, занимавшими ключевые посты в органах государственной власти². Поэтому Колосов, который, по собственному признанию, «тяготел к самостоятельной деятельности»³, упоминается, как правило, эпизодически: в связи выборами в Учредительное собрание, заседаниями Сибирской областной думы, работой Земского политбюро и др. Немногочисленные биографические справки о нем⁴ малоинформативны и не лишены

ошибок. Единственная пространная специальная публикация, принадлежащая внуку Колосова, выполнена в жанре документальной криминальной хроники⁵.

В революционную эпоху политическая жизнь кипела, далеко выходя за пределы учреждений и организаций. Политическое лидерство в условиях резких и порой непредсказуемых перемен властных режимов было весьма условным и неустойчивым, а разнообразие идей, позиций и тем более настроений политиков не поддается строгой систематизации. Поэтому изучение взглядов «самостоятельного» социалиста и революционера Колосова представляется занятием исключительно трудным, но одновременно интересным и весьма продуктивным.

Евгений Колосов родился в Нерчинске в 1879 г. в семье заместителя городского головы, коллежского асессора, отставного поручика Е.Я. Колосова. Отец был убежденным дарвинистом, западником, занимался самообразованием и следил за современными идейно-политическими течениями. В середине 1860-х годов он состоял в Обществе независимости Сибири, был осужден за пропаганду идеи культурной автономии Сибири вместе с областниками Г.Н. Потаниным и М.Н. Ядринцевым. Сыну, как и другим семи своим детям, Е.Я. Колосов мечтал дать полноценное европейское образование, воспитать в нем гражданина, верного заветам свободы, равенства и братства⁶.

Судьба распорядилась несколько иначе. Закончив в 1895 г. Алексеевское реальное училище в Томске, Евгений поступил вольнослушателем на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1897 г. он сдал экзамены и получил свидетельство, дававшее право работать служащим по юридической части. В 1900 г. поступил в Томский технологический институт, а в 1901 г. был из него отчислен. Впоследствии Колосов занимался самообразованием, проводил исследования в области истории революционного движения и социологии.

На становление личности Колосова сильное влияние оказал выдающийся социолог и публицист Н.К. Михайловский. С ним Евгений был знаком лично и состоял в переписке с конца 1890-х годов. «Социалистический университет» Н.К. Михайловского, в котором прошел заочное обучение Колосов, был проникнут пафосом борьбы за народные идеалы Правды-истины и Правды-справедливости и вооружил его теоретическим обоснованием необходимости установле-

ния всеобщего равного трудового права на землю⁷. В сознании молодого Колосова эти идеи органически слились с художественными образами произведений Н.А. Некрасова и В.Г. Успенского, «героической литературой» о революционном народничестве и публикациями Н.Г. Чернышевского, Н.Ф. Анненского и др.

В результате Колосов вырос убежденным народником и посвятил себя революции. «Я всегда был народником», «моя жизнь прошла вся в революции, и если бы я ее снова начал, я встал бы на ту же стезю»⁸, – написал он, рефлектируя в 1923 г.

В конце 1890-х годов Колосов вступил в Северный союз социалистов-революционеров, и поэтому считал себя одним из основателей партии эсеров⁹. В начале 1900-х годов он занимался агитацией, пропагандой и нелегальной литературной деятельностью в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. К боевой организации эсеров имел опосредованное отношение, хотя считал террор действенным методом борьбы с самодержавием¹⁰. За участие в революционном движении Колосов неоднократно подвергался арестам.

В годы Первой русской революции Колосов продолжал заниматься пропагандой и агитацией. Среди соратников он выделялся как первоклассный оратор «с весьма своеобразной манерой говорить, напоминающей сказителя былин или народных сказок, отличавшейся большой образностью речи и в то же время ее продуманностью и содержательностью»¹¹. Об организаторских способностях и лидерских качествах Колосова судить трудно. По всей вероятности, они не были столь впечатляющими. В декабре 1905 г. Евгений принял участие в Московском вооруженном восстании. В конце 1905 г. входил в состав комиссии по разработке проекта программы партии эсеров и был в числе подготавливавших ее первый съезд. Однако в руководстве партии никогда не состоял¹², не организовывал масштабные мероприятия.

Осенью 1906 г. Колосов был приговорен в административном порядке к высылке в Туруханский край, но бежал из тюрьмы и эмигрировал. Почти десять лет он провел за границей, занимаясь в основном литературной и исследовательской деятельностью. Его статьи о народничестве публиковались в периодических изданиях «Будущее», «Голос минувшего», «Социалист-революционер», «Заветы», «Русское богатство», «Киевская мысль», «Современник», «Сибирская жизнь» и др. В 1912 г. были опубликованы его «Очерки мировоззре-

ния Н.К. Михайловского», а в 1913 г. издан десятый том собрания сочинений Н.К. Михайловского под редакцией Колосова.

За границей интенсивность политической деятельности Колосова заметно снизилась. Основной причиной была гнетущая морально-психологическая атмосфера политической эмиграции. Тем более что после Первой русской революции и разоблачения члена ЦК Е.Ф. Азефа в сотрудничестве с полицией от партии эсеров остались атомизированные деморализованные группы¹³. В частной беседе, одним из участников которой был Б.В. Савинков, Колосов заявил, что долг каждого эсера убить заподозренного в провокации члена Боевой организации Николая несмотря на недостаток улик против последнего. Но так как сам был не способен на такой поступок, в апреле 1909 г. Колосов вышел из партии¹⁴. Фрустрацию вызывало противоречие между осознанием необходимости совершить преступление ради общего дела и неприятием «нечаевщины». Этот внутренний диссонанс преследовал Колосова на протяжении всей политической деятельности. Восхищение террористами, убежденность в том, что «вне террористической тактики нет партии эсеров», сопровождалась искренним гуманизмом, воспитанным на произведениях русской литературы. Впоследствии, даже в годы гражданской войны, Колосов осуждал насилие, но при этом с пониманием относился к планируемыми членами партии терактам.

Несмотря на официальный разрыв в 1909 г. с партией эсеров, Колосов продолжал заниматься «чисто партийными делами», поддерживал связи с эсерами и выступал в партийной печати. Поэтому в 1911 г. главный идеолог неонародничества, член ЦК эсеров В.М. Чернов обратился в Заграничную делегацию ЦК с ходатайством о восстановлении Колосова в партии. Оно было единогласно ободрено делегацией. Однако Колосов решительно протестовал, заявив, что он не уполномочивал В.М. Чернова на такой шаг. Более того, он выразил недоверие руководству партии за сокрытие писем Е.Ф. Азефа, предлагавшего устроить над собой партийный суд¹⁵. Практически одновременно с этим Колосов инициировал еще несколько публичных разбирательств, связанных с вопросами партийной этики. В итоге отношения с эсеровским руководством, и в частности с В.М. Черновым, были разорваны¹⁶.

Колосов, испытывая постоянные финансовые трудности, страдая от тягостной атмосферы эмигрантской жизни, стремился вернуться на

родину. В годы Первой мировой войны он занял оборонческую позицию, и в начале 1916 г. поехал в Россию, чтобы на фронте сражаться за отечество. Однако на русско-шведской границе он был задержан представителями власти Российской империи, а затем выслан в Енисейскую губернию как политически неблагонадежный. Устроившись в Красноярске, Колосов продолжил литературную деятельность. Он публиковал статьи в журнале «Сибирские записки», газетах «Сибирская жизнь» и «Сибирь». Осенью 1916 г. П.В. Вологодский и А.Н. Шипицын – члены редакционного коллектива самой многотиражной и широко распространяемой общественно-политической газеты края «Сибирская жизнь» – предлагали кандидатуру Колосова на место главного редактора¹⁷. Осуществиться этому помешали противоречия внутри редколлегии и среди пайщиков издательского товарищества. Часть из них опасалась закрытия газеты, если ее редактором станет последовательный и бескомпромиссный социалист. Тем более что «менять свои воззрения или обещать хотя бы даже смягчить их для того, чтобы облегчить известную кооперацию с идейными противниками», Колосов решительно отказался¹⁸.

Весну 1917 г. Колосов встретил опытным революционером со сложившейся картиной мира и жизненными ориентирами. К этому времени он адаптировался к общественно-политическому климату Сибири, возобновил старые связи и завел новые знакомства, был признан как видный публицист в бедном на литераторов крае. Зрелый возраст и семейная жизнь не охладили общественного темперамента. Даже в 1923 г. он писал: «Для меня нет жизни без борьбы, как нет борьбы вне революции»¹⁹.

На волне Февральской революции 1917 г. Колосов вернулся к партийной работе. 7 марта 1917 г. он был избран в Красноярский комитет партии эсеров, возглавляемый в то время лидером эсеров Енисейской губернии, примыкавшим к интернационалистскому крылу партии Н.В. Фоминым. Членами комитета были В.Я. Гуревич, И.В. Казанцев, В.П. Колосова, С.И. Либман, Н.В. Мазурин и Б.Ф. Тарасов. Как и в период Первой русской революции, партийная работа Колосова заключалась главным образом в агитации и пропаганде. В начале мая 1917 г. он принял участие в губернской конференции эсеров. Однако уже в конце месяца при переизбрании Красноярского комитета Колосов в него не вошел. Он сознательно дистанциро-

вался от парторганизации, продолжая тесно сотрудничать с теми из местных эсеров, кто ему импонировал.

В условиях стремительной демократизации общественно-политической жизни весной 1917 г. Колосов с новой силой развернул «открытую политическую агитацию в широких народных массах». В Красноярске он читал публичные лекции, участвовал в совещаниях и съезде местных кооператоров, в собрании мирян и прихожан, выступал на митингах. Неизменно его выступления собирали большое число слушателей и встречались овациями.

В марте 1917 г. в городе сложилась особая политическая обстановка. Красноярским Советом рабочих и солдатских депутатов руководили большевики, опиравшиеся на солдат гарнизона. Исполнительный комитет Совета не считал необходимым действовать в строгом соответствии ни с приказами Всероссийского Временного правительства, ни с решениями Петроградского совета депутатов. В Красноярске он обладал большим влиянием, чем комитет общественной безопасности и городская дума, постоянно оказывал давление на губернского комиссара²⁰. Отношения эсеров с Советом складывались непросто. В марте – апреле 1917 г. количество эсеров в нем стремительно увеличивалось, но они не смогли завладеть инициативой.

Частично отыграть политические позиции в Красноярске эсеры смогли благодаря земельному вопросу и митинговой демократии. 6 апреля 1917 г., за день до открытия крестьянского съезда Красноярского уезда, на солдатском митинге эсеры выступили со своей аграрной программой. В противовес большевикам они высказались за участие солдат в крестьянском съезде, заслужили овацию и получили пять мандатов на участие в съезде. 7 апреля В.Я. Гуревич был избран председателем съезда, а Колосов – руководителем земельной секции. Выдвигаемые эсерами программные положения – «вся земля трудовому народу», «распределение земли должно осуществляться по трудовой и потребительской норме» – получили полную поддержку делегатов. Итогом работы съезда стало принятие предложенных Колосовым резолюций по общему политическому моменту и по земельному вопросу²¹.

После победы эсеров на уездном съезде последовало переизбрание исполнительного комитета Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов. 13 апреля 1917 г. эсеры заняли в нем шесть мест из двадцати²², в том числе членом исполкома был избран Колосов.

Его работа в Совете оказалась мало плодотворной. В то время он считал главной задачей организацию крестьянства, которое, по его мнению, могло обеспечить закрепление завоеваний революции²³. Однако не смог войти в комиссию по созыву губернского крестьянского съезда, в составе которой волевым решением большевиков были утверждены только социал-демократы и левые эсеры²⁴.

На Енисейском губернном съезде крестьянских депутатов, прошедшем 20–29 июня 1917 г., снова произошла схватка между большевиками и эсерами Красноярска. Со значительным перевесом голосов были приняты резолюции по вопросам о земле и о мире, предложенные Колосовым. «Справедливый мир без обездоленных и униженных», по его мнению, мог быть заключен только на съезде трудящихся всего мира, а до того армии надлежало защищать революционную Россию. Социализацию земли предлагалось отложить до соответствующего решения всенародно избранного Учредительного собрания, осуждались земельные захваты. Одновременно прозвучало требование законсервировать все поземельные сделки и договоры²⁵.

Принятие эсеровских резолюций на губернном крестьянском съезде в условиях жесткой конкуренции с популистскими лозунгами большевиков о немедленном мире и конфискации всех земель свидетельствовало о популярности партии в целом и об ораторском мастерстве Колосова в частности. Однако на политическую жизнь в Красноярске итоги съезда не оказали существенного влияния. Большевики продолжали доминировать в политической сфере города, одержав 2 июля 1917 г. победу на выборах в Красноярскую городскую думу. Более того, они приступили к организации губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов.

Важнейшим направлением бурной общественно-политической деятельности Колосова в Красноярске весной – летом 1917 г. было руководство ежедневной политической и литературной газетой «Наш голос». Учредителем и издателем «Нашего голоса» в марте 1917 г. выступила чета Ю.М. и М.Я. Кохановских, которая владела типографией, имела большой опыт выпуска газет и накануне революции уже сотрудничала с эсерами. К работе в издании были привлечены эсеры В.П. Колосова (секретарь редакции), А.М. Гневушев, П.М. Иров, Н.Н. Козьмин, Н.В. Фомин и др. Целью газеты было «выражение народных чаяний» ради полного «торжества народной воли». Задачами ставились «проповедь полной поддержки Временного

правительства в его стремлении к Учредительному собранию», пропаганда идей демократической республики, защиты родины, «слияния всех истинных друзей народа в социалистическую федерацию»²⁶. Повременный орган предназначался для распространения в городе и деревне, а его авторы обещали писать для «людей труда».

В целом газета транслировала идеологию партии эсеров. Однако частный характер издания и стремление Колосова к самостоятельности от парторганизации предопределили учреждение в мае 1917 г. особой партийной эсеровской газеты «Знамя труда» под редакцией Н.В. Фомина. Так в Красноярске появилось два периодических издания эсеровской направленности. Основными идейно-политическими оппонентами «Нашего голоса» в Красноярске были издания большевиков «Красноярский рабочий» и «Сибирская правда», кадетская «Свободная Сибирь».

При колоссальном объеме редакторской и политической работы Колосов выступал в газете «Наш голос» как автор. Также он писал статьи в литературно-художественный, научный и политический журнал «Сибирские записки», которым руководил старый областник, комиссар Временного правительства в Енисейской губернии В.М. Крутовский, и готовил на основе своих выступлений пропагандистские брошюры.

Свои публикации Колосов подписывал настоящим именем и фамилией. Для сибирской прессы периода революции и гражданской войны это было не характерно. Подавляющее большинство авторов выступали анонимно, часто пользовались псевдонимами, криптонимами и гетеронимами. Это было вполне естественным, поскольку сотрудники газет избегали брать на себя ответственность за скоропалительные оценки, даваемые в пылу идейно-политической борьбы. Однако Колосов не раз подчеркивал аморальность использования «масок» в журналистской полемике²⁷, и сам прибегал к псевдонимам только в тех случаях, когда отсутствовала малейшая возможность публикации под настоящей фамилией²⁸.

О характере коммуникативного поведения Колосова можно судить по заголовкам его статей. Они являются своеобразными микротекстами, которые, с одной стороны, подчеркивают интенции автора, а с другой – отражают журналистскую традицию. В заголовках Колосов обычно использовал короткие информативные речевые обороты, не стремясь дать оценку событиям или вызвать эмоцио-

нальную реакцию читателя. Весной – летом 1917 г. – вероятно, из-за исключительной интенсивности журналистской работы – он часто использовал в заголовках примитивные обороты «о том» и «по поводу». Сухие фразы заглавий резко контрастируют с подчеркнuto эмоциональными и категоричными суждениями автора. Личностное начало проскальзывало в заголовках немногочисленными ироничными формулировками и в, пожалуй, единственном его ярком оценочном заголовке к статье о большевиках «Грядущее самодержавие». Лаконичные, ясные выражения были органичны и наиболее уместны в публикациях автора, ориентированных преимущественно на широкого читателя. Они соответствовали традиционным практикам сибирской журналистики.

Профессионализм Колосова-журналиста проявлялся во владении различными литературными жанрами. В 1917 г. он создал лиричный и образный очерк о книге С. Шлихтера «На пороге жизни», ёмкий репортаж о митинге по случаю проводов из Красноярска на фронт стрелкового полка, открытое письмо в адрес анонимного антисемита, аналитические статьи по истории народничества и др. При этом журналистским коньком Колосова были острые полемические статьи на актуальные общественно-политические темы.

Революция 1917 г. актуализировала основные символы и историю революционного движения. На этой волне получила новое звучание давно ведшаяся Колосовым работа по изучению народничества. Первый номер газеты «Наш голос», вышедший 16 марта 1917 г., редактор открыл собственной статьей «Жизненный путь Е.К. Брешко-Брешковской – бабушки русской революции». Поводом для публикации стало возвращение из сибирской ссылки в Петроград семидесятитрехлетней революционерки.

Излагая кратко биографию «гениальной народной пропагандистки», Колосов подчеркнул ее героизм и стойкость в многолетней борьбе с самодержавием, называл «Бабушку» символом бунта, главой «солдат русской свободы». Лейтмотивом статьи было противопоставление народолюбия Е.К. Брешко-Брешковской самодержавию с его кровавыми усмирениями крестьянских беспорядков, расстрелами рабочих, наказаниями плетью, тюрьмами, ссылкой и каторгой. Жестокостью царского режима Колосов объяснил переход своей героини от легальной работы в земстве через «хождение в народ» к организации покушений на жизнь представителей власти.

Правда, на самом деле к террору Е.К. Брешко-Брешковская имела опосредованное отношение, и такая передержка была сделана автором в угоду яркому обобщению. В контексте статьи Колосов упомянул о «самом счастливом» в истории народничества событии – убийстве Е.С. Сазоновым в 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве – и о «самой мрачной её странице» – предательстве Е.Ф. Азефом партии эсеров. Апофеозом борьбы и жизни Е.К. Брешко-Брешковской автор считал революцию, вложив в уста своей героини слова религиозного по форме покаяния: «Ныне отпускаеши душу мою. Возврата к старому уже не будет». В статье революция позиционировалась как избавление от гнета, весна и заря свободы. Поэтому Колосов призывал защищать ее. В начале и в завершении статьи рефреном прозвучала фраза Е.К. Брешко-Брешковской из письма к красноярским эсерам: «Ни шагу назад». Такой боевой настрой «Бабушки» был созвучен эмоциям и жизненному кредо автора. В общем в статье через призму апологетики Е.К. Брешко-Брешковской были раскрыты образы, которыми оперировали неонародники, подчеркивалась историческая обусловленность и закономерность революции.

Героическое историко-революционное полотно в первом номере газеты «Наш голос» Колосов дополнил статьей «Новые течения среди социалистов». В ней автор рисовал «дорогу к лучшему будущему». Он отрицательно относился к тому, что партии подчеркивали свою исключительность, резко противопоставляли себя остальным, и призывал к созданию единой социалистической федерации. При этом Колосов сознавал, что точки соприкосновения различных социалистических партий минимальны и довольно условны: признание «безвозвратности крушения старых форм жизни», стремление к «победе нового порядка», боязнь реакции и контрреволюции.

Надежды на создание единой социалистической федерации столкнулись с реальными общественно-политическими и идеологическими процессами. Сам Колосов, будучи апологетом программы партии эсеров, считал возможным положительно отозваться только о социал-демократической группе «Единство»²⁹. При чем, это была, скорее, дань уважения к старейшему теоретику социализма в России, «одному из первых, поднявших знамя „Земли и воли“», Г.В. Плеханову, чем реальная политическая поддержка мало популярных меньшевиков-оборонцев. В основном Колосов на съездах и митингах отчаянно противопоставлял программные положения партии эсеров

лозунгам большевиков. Позднее он много писал о разногласиях внутри партии эсеров, критиковал левых эсеров, подчеркивал противоречия между меньшевиками и большевиками³⁰. При всех нестройных в лагере социалистов идея революционного единства долгое время подспудно присутствовала в публицистических произведениях Колосова как нечто, к чему нужно стремиться.

Весной 1917 г. в редактируемой им газете Колосов не мог не откликнуться на один из самых болезненных вопросов времени – вопрос о войне и мире. Будучи активным сторонником оборончества и опубликовав в 1916 г. брошюру «Русские волонтеры во Франции», он стремился обосновать необходимость продолжения участия России в Мировой войне. В номере «Нашего голоса» от 19 марта 1917 г. Колосов поместил сразу два авторских материала на эту тему. В заметке «Неотложное дело» он призвал Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов сформулировать позицию по вопросу о войне, а в статье «По поводу речи Чхеидзе к семеновцам» доказывал необходимость защиты родины. Причем автор ставил в один семантический ряд понятия «родина», «Россия», «свобода» и «революция». Народ, по его мнению, должен был принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии для оборонительных действий ради спасения русской революции и укрепления свободы. Мир Колосов признавал только всеобщий, справедливый, без обездоленных и униженных, без территориальных захватов и контрибуций. Гарантом такого мира, как считал Колосов, могла стать международная демократия во главе с революционной Россией. В контексте освещения международной политики он развивал идею о праве наций на самоопределение и доказывал, что без участия в Мировой войне России реализация этого права невозможна³¹.

Колосов постоянно делал акцент на том, за что нужно воевать, но зачастую не писал против кого. Изредка в его статьях фигурирует «германский капитализм», стремление к «всемирной централизации». Это мало способствовало мобилизации общественного мнения, острее всего реагировавшего на базовые бинарные оппозиции «свой – чужой», «белое – черное».

Свою позицию по вопросу о войне и мире Колосов еще раз озвучил, освещая Третий съезд партии эсеров, проходивший в июне 1917 г. Он критиковал лидера партии В.М. Чернова за многословную, но неопределенную резолюцию «Об отношении к войне»,

принятую на съезде. Считал, что отсутствие конкретного решения по вопросу о войне ослабляет партию, особенно в условиях, когда большевики уже взяли курс на сепаратное перемирие³².

Через призму отношения к войне и миру Колосов впервые высказывал свое мнение о большевиках. 9 апреля 1917 г. в газете «Наш голос» он поместил статью под заглавием «Гибель русских эмигрантов». Поводом для нее стало известие о гибели возвращавшихся из Англии в Россию политических эмигрантов, в том числе известного террориста П.В. Карповича. Пароход, на борту которого они находились, был потоплен немецкой подводной лодкой. Возвышенному образу «благородного» воина революции, погибшего от рук «убийц», было противопоставлено сообщение: «Через Германию в пломбированном вагоне в Россию проехал Ленин с единомышленниками».

Прозрачного намека на предательство интересов родины и социализма, сделанного Колосовым, было достаточно для того, чтобы спровоцировать в красноярской прессе полемику. В статьях от 13 апреля «Красноярские социал-демократы о моих „инсинуациях“» и «Еще несколько слов о том же» Колосов развил свои соображения, пересказал в качестве доказательств отдельные сообщения из других газет о путешествии В.И. Ленина. По итогам сообщенной информации автор сделал следующий вывод: «Ленин, которого я якобы оклеветал, не просто проехал через Германию, а взял на себя известные обязательства перед германским правительством. Он, глава большевиков, их папа, законодатель мысли, он, проповедующий гражданскую войну, заявил, что будет „требовать“ в России освобождения австро-германских пленных. [...] Допустимо ли, чтобы какие бы то ни было социалисты входили в переговоры с правительствами и брали на себя обязательства при пропуске их через враждебные территории? Что это такое, как не проявление политического индифферентизма»³³. Очевидны крайне негативные коннотации в словах Колосова. Автор по сути дела актуализировал в местной прессе широко обсуждавшийся в то время в России скандальный поступок В.И. Ленина и его ближайшего окружения. Но он не заострил внимание читателей на «Апрельских тезисах», в которых была изложена программа действий большевиков. При этом он оценил роль В.И. Ленина в РСДРП(б) как авторитарного лидера, усилив противопоставление большевика героическому образу революционера.

Как последовательный оборонец Колосов жестко критиковал пропаганду В.И. Лениным «мира» и «братания на фронте», считал ее игрой на утомлении армии и народа: «Мир – великая вещь. Но мир на основе утомления, это не революционное начало, а реакционное. Уничтожится ли этим миром война – не известно. Но им будет уничтожена революция – несомненно»³⁴. Так Колосов впервые обвинил большевиков в реакционности.

В конце мая 1917 г. Колосов рассматривал деятельность большевиков как ключевой фактор развития политического кризиса. Их стремление к захвату власти, нежелание поступиться групповыми интересами он называл саботажем, преступлением против революции³⁵.

В статье «Грядущее самодержавие» от 1 июня 1917 г. Колосов проанализировал публикации В.И. Ленина в центральном печатном органе РСДРП(б), газете «Правда». На этот раз в фокусе его внимания оказалась внутренняя политика. У Колосова негативную реакцию вызывало пренебрежительное отношение В.И. Ленина к идее Учредительного собрания. Говоря о легитимации закона о земле, В.И. Ленин поставил «или» между Учредительным собранием и Всероссийским съездом Советов и заявил о приоритете съезда Советов как уже готового революционного установления, гарантировавшего изоляцию буржуазии от принятия политических решений. В программе партии эсеров Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего, тайного, равного и прямого голосования, считалось органом верховного всенародного волеизъявления. Только оно могло установить основные законы будущего общежития в России. Поэтому подмену большевиками требования созыва Учредительного собрания Колосов считал крайне опасным симптомом. Он увидел в Советах механизм для создания путем подтасовок на многоступенчатых классовых выборах авторитарной политической системы во главе с «Его Императорским Величеством Лениным I».

Проявлениями этой же тенденции Колосов считал выпады большевиков против свободы слова. Автор в гиперболизированном виде изобразил угрозы большевиков в адрес владельцев театров, допуская выступления куплетистов, высмеивавших и оскорблявших В.И. Ленина, а также предложения большевиков по насаждению газеты «Правда» для воспитания русского народа. Наряду с этим он подчеркнул популизм В.И. Ленина, его умение улавливать общественно-политическую конъюнктуру. Автор, мрачно пророча «гряду-

щее самодержавие», выражал серьезные опасения насчет рвавшихся к власти большевиков.

Такое внимание Колосова к большевикам было неслучайно. Во-первых, лозунги и действия ленинцев кардинально отличались от его собственных представлений о путях развития революции. Во-вторых, в большевиках он распознал непримиримого политического противника, отличавшегося гибкостью позиций, популизмом и энергичной реализацией принятых решений. В-третьих, обостренное внимание Колосова к правдистам в значительной мере определялось специфической политической ситуацией в Красноярске и его личными столкновениями с местными большевиками. Именно им было посвящено подавляющее большинство текстов автора, опубликованных в «Нашем голосе» в 1917 г.

В центре внимания Колосова были большевики-правдисты А.И. Окулов и Б.З. Шумяцкий. Он язвительно называл обоих «красноярскими знаменитостями», обвинял во лжи, клевете и моральной нечистоплотности, считал «сточной ямой всяких нечистот»³⁶. Опытного профессионального революционера А.И. Окулова он сравнивал с гоголевским Ноздревым за склонность к позерству и бесстыдному вранью. В качестве доказательства своей правоты Колосов привел факт искажения А.И. Окуловым смысла приказа А.Ф. Керенского «Отечество в опасности»³⁷. Кроме того, большевик был уличен в сотрудничестве в газете «Утро России», принадлежавшей банкиру П.П. Рябушинскому³⁸.

Масштаб личности Б.З. Шумяцкого Колосов оценил выше, считая его «Лениным в нашем городе» и изощренным политиканом³⁹. Обвинения в адрес Б.З. Шумяцкого были также значительно серьезнее: клевета, политическая аморальность, предательство. Более вескими были и доказательства: обвинительный приговор товарищеского суда социал-демократов, вынесенный Б.З. Шумяцкому в 1914 г.; документы судебного процесса 1914 г. по делу о восстании 1905 г. в Красноярске, свидетельствовавшие о том, что Б.З. Шумяцкий не был безупречным по отношению к своим соратникам.

Б.З. Шумяцкий, являвшийся в то время членом Среднесибирского районного бюро ЦК РСДРП(б) и руководивший красноярской газетой «Сибирская правда», ответил Колосову очень агрессивно. В прессе, на солдатских митингах он обличал Колосова как погромщика и фальсификатора, а также настаивал на исключении из РСДРП А.В. Бай-

калова, допустившего распространение материалов товарищеского суда 1914 г. В результате на закрытом заседании исполнительного комитета Красноярского совета Б.З. Шумяцкий первоначально был исключен из него, но затем вновь восстановлен в качестве члена. Эти действия Колосов считал дополнительными доказательствами своих обвинений и продолжал разоблачать Б.З. Шумяцкого в соответствии со своей принципиальной установкой: «Я не принадлежу к людям, которых можно заставить замолчать какими бы то ни было угрозами или увещаниями. Я не желаю мириться с порядком, который нахожу оскорблением свободы и поруганием ее принципов»⁴⁰.

Компромат на большевиков Колосов дополнил обличением их сподвижников по работе в исполкоме Красноярского совета. Эсер-интернационалист Н.В. Мазурин был обвинен в пьянстве, а меньшевик-интернационалист Я.Ф. Дубровинский – в финансовых махинациях. Эти «грехи» экстраполировались на Б.З. Шумяцкого⁴¹.

Кроме того, что Колосов отказывал руководителям Красноярского совета в моральном праве на руководство народными массами, в конце июня 1917 г. он сделал вывод об их организаторской бездарности. Он считал, что их властные амбиции не соответствуют способностям. Доказательство этому он видел в неконтролируемом поведении солдат красноярского гарнизона⁴².

С помощью литературных образов, отдельных фактов и сравнений Колосов нарисовал коллективный портрет членов исполнительного комитета Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов. Он изобразил этих большевистских деятелей беспринципными прохвостами, руководствовавшимися не чистыми помыслами и высокими идеалами, а низкими человеческими страстями. Колосов бил тревогу по поводу того, что «эти люди являются вершителями наших судеб и полными хозяевами в городе». Он призывал устранить их из исполнительного комитета Совета и предостерегал от возможного перехода под их контроль власти на территории всей Енисейской губернии.

Весной – летом 1917 г. Колосов рассматривал политические процессы в глобальном, всероссийском и локальном измерениях. Приветствуя революцию в России, он в то же время сознавал шаткость сложившегося политического режима в стране и его невнятные перспективы, обусловленные деятельностью большевиков. Однако в представлениях Колосова политика была детерминирована

социальными процессами, решающую роль в которых безоговорочно отводил народу. Поэтому он продолжал верить в победу революционной демократии, на вооружении которой имелись лозунги социализации земли и Учредительного собрания.

В лекциях и выступлениях весной – летом 1917 г. Колосов с неизменным успехом развивал главную для эсеров тему – аграрный вопрос. Ключевой его доклад, прочитанный 8 апреля 1917 г. на заседании земельной секции крестьянского съезда Красноярского уезда, был опубликован в периодической печати⁴³, а в наиболее полном и доработанном виде – отдельной брошюрой под заглавием «Земельная программа партии эсеров».

В четырнадцатистраничном тексте брошюры было два раздела. В первом обличалось русское самодержавие, во втором разделе была изложена программа аграрных преобразований. Социально-политический строй Российской империи Колосов изображал схематично, скорее даже – примитивно, подразделяя все население страны на императорский дом, его сверхбогатых приспешников и угнетенный народ. По всей вероятности, знакомый с современной социологией, он делал это преднамеренно, чтобы быть понятым и получить поддержку среди крестьян.

В первой части брошюры Колосов постарался дезавуировать образ «Божиею милостию императора Всероссийского». Для этого он обратился к религиозному сознанию крестьян. Во вступлении автор пересказал легенду о царствовании Саула, указывая, что «даже в Библии, цари являются [...] проклятием для народа», собирают поборы и применяют насилие⁴⁴.

Далее Колосов сосредоточился на подсчете доходов «русского царя». Автор подробно, основываясь на докладе-обследовании министерства императорского двора и уделов, законодательных актах из «Учреждения об императорской фамилии», описал личный денежный доход Николая II, подсчитал принадлежавшие императорской семье земли, предприятия и другую собственность. В итоге он получил «почти один миллиард рублей за одно только царствование, одного только царя»⁴⁵.

Разоблачение сверхдоходов последнего самодержца Колосов дополнил указанием на огромные владения представителей властной элиты Российского государства, обратив внимание на то, что они были получены несправедливым путем. В этом месте основанную на

документах доказательную базу Колосов дополнил бытовавшими толками о Екатерине II, раздававшей земли «любовникам, которых меняла каждые два года, а то и чаще»⁴⁶.

Автор подчеркивал несметные богатства императора и его окружения, резко выделявшиеся на фоне бедности подавляющего большинства его подданных. При этом тезис о «бедности народа» и «его порабощении» Колосов не считал нужным доказывать. Убеденность вытекала из продолжительного и интенсивного дискурса в российской науке, публицистике и беллетристике, направленного на дискредитацию монархии⁴⁷. Каких-либо новых фактов в арсенале автора не оказалось.

Завершалась первая часть брошюры словами о торжестве справедливости в результате свержения самодержавия. Революция как бы становилась частью библейской легенды о Сауле – «и восстанете вы от царя своего» – и представляла как избавительница от «проклятия» царизма.

Вторая часть брошюры была посвящена самому, с точки зрения российских крестьян, насущному вопросу – тому, как землю «отнять у старых владельцев и передать ее тем, кто трудится». Ответ Колосова заключался в подробном разъяснении аграрной программы партии эсеров. Первое, что по мнению автора необходимо было сделать, это запретить земельные сделки и возложить контроль за землепользованием на земельные комитеты.

Затем Колосов призывал дожидаться Учредительного собрания, которое непременно примет закон о ликвидации частной собственности и передаст землю в общенародное достояние. Тем самым гарантировалось бы право каждого гражданина на землю и распределение ее по трудовой или по потребительской норме. Эти эсеровские принципы устройства послереволюционного землепользования автор дополнил предложением направить накопленные императорской казной сокровища на обеспечение народа инвентарем для обработки земли⁴⁸.

Колосов, ссылаясь на пример Французской революции, проявил известную осторожность в лозунгах и призывах. Он предостерегал крестьян от немедленных земельных захватов и разделов. Эту практику он считал опасной из-за нарушения законности и провоцирования беспорядков, считал, что в итоге она приведет к концентрации земли в руках деревенских богачей. Для разрешения насущных

проблем Колосов предлагал крестьянам до решения Учредительного собрания ограничиться лишь освоением пустующих территорий. Таким образом, в «Докладе о земельной программе» Колосов последовательно воспроизвел положения программы партии эсеров по земельному вопросу. Он продемонстрировал приверженность старым идеям революционного народничества, без каких бы то ни было отступлений от установки на аграрную революцию.

С багажом «обрончества», «поддержки Временного правительства», «неприятия большевиков» и «веры в русскую революцию» 6 июля 1917 г. Колосов в качестве рядового восьмой роты 15-го полка отбыл в 5-ю армию Северного фронта. Тем самым он реализовал принятое еще в эмиграции решение и подкрепил делом свои агитационные призывы к продолжению участия России в Мировой войне.

Однако в Петрограде 13 июля 1917 г. управляющий военным министерством Временного правительства Г.А. Якубович отклонил просьбу Колосова об отправке на фронт, назначив его комиссаром Кронштадта и членом комиссии по расследованию причин июльских событий 1917 года⁴⁹. На следующий день Колосов выехал из столицы и занялся расследованием, а 21 июля уже написал статью с обвинением большевиков в провоцировании восстания⁵⁰.

Приступить к обязанностям комиссара города-крепости Колосову не удалось. На заседании Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором принадлежало большевикам, было решено не признавать решение министра и сохранить за Советом право самому избирать комиссара. Однако не только принципиальное несогласие Совета помешало Колосову стать комиссаром Кронштадта. Он не устраивал воинствующий большевистский совет депутатов как эсер-оборонец. К тому же, по-видимому, в дело вмешался Б.З. Шумяцкий. Он опубликовал в центральной большевистской газете «Рабочий и солдат» красноярскую прокламацию «К позорному столбу», в которой Колосову был объявлен революционно-общественный бойкот за «травлю» Б.З. Шумяцкого в газете «Наш голос». Колосов все же выступил на заседании Кронштадтского совета, однако убедить депутатов в своем праве занять должность комиссара и правоте в конфликте с Б.З. Шумяцким ему не удалось⁵¹.

В конце июля 1917 г. Колосов вернулся в Петроград. Стремясь реабилитироваться после публикаций Б.З. Шумяцкого и заявляя о своих притязаниях на должность комиссара в армии, он написал

открытое обличительно-оправдательное письмо во фронтовую комиссию при ЦИК Советов солдатских и рабочих депутатов⁵². Каков был результат публичного обращения не ясно, но вскоре Колосов уехал в прифронтовую полосу и читал там лекции солдатам. Октябрьская революция застала его в местечке Кресловка, вблизи Двинска⁵³. По всей вероятности, Евгений Евгеньевич оставался в армии до конца ноября 1917 г.

Во время пребывания в Петрограде, Кронштадте и на фронте Колосов оставался сотрудником красноярской газеты «Наш голос» и вплоть до ее закрытия в сентябре 1917 г. посылал в редакцию материалы о собственной деятельности и событиях, очевидцем которых он был. Продолжая разоблачать тактику большевиков, Колосов обнаружил новый объект для критики – либералов.

В статье «Откровенные речи» от 3 и 5 сентября он писал о выступлении кадетов П.Н. Милюкова и П.Я. Рысса на митинге в цирке Чинизелли 17 августа 1917 г. П.Н. Милюков и П.Я. Рысс агитировали за необходимость жесткой дисциплины в армии и введение смертной казни. Возмутило Колосова то, что П.Н. Милюков ссылался на генерала А.М. Каледина как на знатока военного дела. Последний же воспринимался общественностью прежде всего как противник Февральской революции, а потому – реакционер. Гиперболизируя факт солидарности кадетов с генералом по вопросу о дисциплине в армии, Колосов записал их в реакционеры.

Кадеты возлагали вину за разруху в стране на Советы, требовали убрать из правительства министров-эсеров В.М. Чернова и Н.Д. Авксентьева. В этом Колосов увидел стремление либералов к свержению существовавшей власти, а потому приравнивал их еще и к большевикам: «Тип мышления у Ленина и Милюкова совершенно одинаковый»⁵⁴, – в полемическом задоре утверждал Колосов. В целом автор констатировал, что «левые левеют, [а] правые правеют», и в этом видел главную угрозу завоеваниям революции.

С осени 1917 г. Колосов возобновил работу по изучению и популяризации наследия народничества. В Петрограде в том же году он опубликовал сразу две небольшие книги: «Чему нас учил Н.К. Михайловский» и «Н.К. Михайловский. Социология, публицистика, литературная деятельность, отношение к революционному движению». Зимой 1918 г. вышли две его статьи: «Народничество и кооперация» и «Русское народничество и культурная работа». В них

автор отдавал дань «огромным философским, социологическим системам» и истории революционного движения в России, призывал к служению во имя высоких идеалов: «Будем же все бороться, будем с народом, во имя народа, понимает он нас или нет, идти на гибель за отечество, и мы спасем народ, спасем культуру, спасем цивилизацию, родину и свободу!»⁵⁵.

Весной – осенью 1917 г. политические взгляды Колосова укладывались в существовавшую задолго до Февральских событий парадигму противопоставления «самодержавия» и «революции». Разница состояла только в том, что у власти находилась «революция», отождествляемая с понятиями «свобода», «справедливость» и «демократия», а противостояло ей «самодержавие», трактуемое как идея централизации власти и установления авторитарного политического режима. Отождествляя себя с революционной демократией, Колосов поддерживал февральский политический режим. Уже весной 1917 г. он определил его главного политического противника в лице большевиков и повел против них энергичную идейно-политическую борьбу.

* * *

После того, как сбылись опасения Колосова на счет «грядущего самодержавия большевиков» и установилась Советская власть, он снова приехал в Петроград. Здесь Колосов принял участие в Четвертом съезде партии эсеров, проходившем 26 ноября – 5 декабря 1917 г. В единственном публичном выступлении на съезде 2 декабря 1917 г. он критиковал ЦК: «У партии не было деловой, конкретной, детально разработанной социалистической программы ни в области земельного вопроса, ни в вопросах мира. Партия жила лозунгами, и это, прежде всего, надо исправить. Надо перейти к деловому конкретному творчеству»⁵⁶. В этом он был не оригинален и не одинок. Съезд переизбрал руководство, постарался обособить партию от левого и правого уклонов и принял решение сосредоточить усилия на подготовке к Учредительному собранию⁵⁷.

В январе 1918 г. Колосов участвовал в работе Учредительного собрания в качестве депутата, избранного от партии эсеров по Енисейской губернии⁵⁸. Однако он не занял видного места ни во фракции эсеров, ни в специальных комиссиях. После разгона неудавшейся российской конституанты Евгений Евгеньевич был одним из авторов протестного обращения «Ко всем гражданам России». Затем остался

в Петрограде, но «почти не принимал участия в [...] политической жизни, если не считать ряда лекций и выступлений на митингах»⁵⁹.

В феврале 1918 г. Колосов вступил во внепартийное общество «Культура и свобода», организованное в годовщину Февральской революции под покровительством М. Горького. Целью общества был «подъем духовной культуры в широких слоях населения и политического воспитания масс во имя сохранения и укрепления свободных учреждений»⁶⁰.

Весной 1918 г. Колосова терзали сомнения на счет того, как быть дальше. В письме жене в начале марта он так передавал свои противоречивые чувства: с одной стороны, в Петрограде появилось «много дел, жаль все бросать»; с другой – он ощущал гнетущую атмосферу бесконечных митингов, лекций и диспутов, повсеместной разрухи и считал, что «бездарно тратит силы и таланты». К тому же Совет народных комиссаров перенес столицу в Москву, а Петроград вследствие этого и продовольственного кризиса изрядно опустел и поскутнел. Для себя в Петрограде Колосов сделал довольно неожиданное открытие: «за эту голодную зиму понял впервые, что такое хлеб и как он нужен организму»⁶¹.

Соратник Колосова по Красноярской парторганизации и коллега по Учредительному собранию Н.В. Фомин, уезжая из Петрограда в Москву, звал его с собой. В связи с этим Колосов писал жене: «Если даст Бог здоровья, двину через Москву в Сибирь»⁶². В мае 1918 г. в Москве прошел VIII совет партии эсеров, на котором было принято решение об организации антибольшевистского вооруженного выступления в Поволжье. В числе нескольких видных эсеров Колосов получил предложение ЦК партии отправиться на Волгу. Однако сам он якобы «был уверен, что антисоветское движение начнется в Сибири»⁶³.

В итоге Колосов уехал из Петрограда 6 июня 1918 г., когда начали поступать сведения об антибольшевистском выступлении Чехословацкого корпуса на востоке России. При себе у него были документы депутата Учредительного собрания и поддельное удостоверение большевика, члена исполнительного комитета службы тяги Северо-Западной железной дороги. Благополучно миновав кружным путем Уральский фронт гражданской войны, 2 июля 1918 г. Колосов прибыл в Омск⁶⁴. В тот же день он встретился с уполномоченным Временного Сибирского правительства Н.В. Фоминым, участвовавшим в свержении Советской власти в крае. Н.В. Фомин

рассказал Колосову о сформировавшемся 30 июня 1918 г. Совете министров Временного Сибирского правительства и пригласил на одно из его совещаний⁶⁵. Заметим, что в это время в томских политических кругах обсуждался вопрос о составе Временного Сибирского правительства. Так называемый «потанинский кружок», который в феврале 1918 г. разработал платформу, направленную на борьбу с большевиками и на спасение России через создание временной беспартийной власти, прочил Колосова на роль одного из сибирских министров⁶⁶.

Насколько реальны были перспективы Колосова стать членом правительства не ясно, однако он остался «вольным политиком». Летом 1918 г. в Красноярске, Иркутске и Томске Евгений Евгеньевич с успехом читал лекции на темы «Единая Россия и советская власть», «Выступление чехословаков и сибирское областничество» и «Чехословацкое выступление и возрождение России». Колосов, еще по Петрограду знакомый с чехами⁶⁷, симпатизировал их освободительному движению и приводил Чехословацкий корпус в пример как образец дисциплинированности, патриотизма и демократичности. Его мнение еще более укрепились после посещения в июле 1918 г. Иркутского фронта. Там Колосов познакомился с возглавлявшим фронт Р. Гайдой, который победоносно сражался с вооруженными силами большевиков.

В августе 1918 г. Колосов как член Учредительного собрания был кооптирован в Сибирскую областную думу и стал самым ярким оратором фракции эсеров⁶⁸. Думу он воспринимал как «первый опыт парламентарного законодательного творчества Сибири», считал главной ее задачей созыв Сибирского Учредительного собрания⁶⁹. При этом придерживался лозунга «Через автономную Сибирь к свободной России» и подчеркивал, что «мы – государственники», «за воссоздание единого государственного целого», «за возрождение России»⁷⁰. Идея сибирской автономии не была приоритетной для Колосова, что послужило причиной его отхода от активной работы в думе в сентябре 1918 г.

Примечательно, что Колосов, будучи членом Учредительного собрания и постоянно поднимая на щит его идею, не вошел в самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), возглавивший антибольшевистскую борьбу в Поволжье летом – осенью 1918 г. Он не признавал эсеров-максималистов⁷¹ и не поддер-

жал леворадикальный антибольшевистский путь развития революции, по которому пошел самарский Комуч. Говоря словами председателя Комуча В.К. Вольского, Евгений Евгеньевич принадлежал к несогласным, «упорно не вступавшим в Комитет»⁷².

Не принял Колосов участия и в Государственном совещании, которое состоялось в Уфе в сентябре 1918 г., хотя цель совещания – создание власти, объединявшей антибольшевистские политические режимы на востоке России – импонировала его политическим взглядам. В Уфу Колосов не поехал по причинам «чисто личным, а главное потому, что плохо верил в успех совещания»⁷³. Интуиция его подвела. 23 сентября 1918 г. было провозглашено создание Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории), председателем которого стал эсер Н.Д. Авксентьев.

В сентябре 1918 г. Евгений Евгеньевич «несколько неожиданно для самого себя, почти случайно» поехал на Дальний Восток в составе, как ни парадоксально, делегации Уфимского государственного совещания⁷⁴. Делегация должна была передать приветствие командованию вооруженных сил союзнических держав. Возложенную миссию Колосов выполнять не стал, так как посчитал это никому не нужным и унижительным. Во Владивостоке, по его мнению, приветствовать было некого и не за что⁷⁵. Но поездка дала ему массу новых впечатлений, богатый материал для размышлений о политической ситуации на востоке России. К тому же она способствовала завязыванию более тесных контактов с чехами. Их отряд сопровождал делегацию, а по пути произошла встреча с командующим войсками Восточного фронта генерал-майором Р. Гайдой.

В начале ноября 1918 г. Колосов снова приехал в Томск. 10 ноября 1918 г. на последнем заседании Сибирской областной думы он выступил от имени фракции эсеров в поддержку предложения об ее добровольном самороспуске, которое было выдвинуто Временным Всероссийским правительством. Колосов заявил: «Во имя государственных идей, во имя народа, во имя демократии мы, члены Сибирской областной думы, готовы на жертву». Он призвал к самороспуску Думы и объединению вокруг Временного Всероссийского правительства ради родины, ради великой свободной России⁷⁶.

Однако надежды на Уфимскую директорию не сбылись. О перевороте 18 ноября 1918 г., приведшем к установлению власти Российского правительства во главе с адмиралом А.В. Колчаком, Коло-

сов узнал в поезде⁷⁷. Судя по всему, его реакцией была апатия. По крайней мере, никаких решительных действий он не предпринял, а вернулся в Красноярск.

Как развивались политические взгляды Колосова на этапе активной борьбы против Советской власти? После вынужденного перерыва осени 1917 – зимы 1918 г. в публицистической деятельности весной 1918 г. Колосов много сил уделил журналистской работе. В марте – мае 1918 г. он был постоянным сотрудником газеты ЦК партии эсеров «Дело народа», одной из самых многотиражных в России. Параллельно писал статьи для газеты «Вольная Сибирь», издававшейся Союзом сибиряков-областников в Петрограде. Тексты Колосова, как правило, помещались на первой – второй полосах изданий, среди ведущих статей. В отличие от публикаций в газете «Наш голос» его материалы в петроградских изданиях имели более выразительные, яркие и разнообразные заголовки. Вероятно, Евгений Евгеньевич имел больше времени на литературную работу.

В это время Колосов продолжил критиковать и обличать большевиков. Политической подоплекой нового витка противостояния было отношение эсеров к Октябрьскому перевороту, к разгону Учредительного собрания и узурпации власти большевиками. В 1918 г. он отождествил Советскую власть с большевиками и развил тему нового «самодержавия». Для характеристики нового политического режима Евгений Евгеньевич использовал слова «царизм», «деспотизм», «произвол», «полицейщина», «держиморды». Причем вкладывал в них одни и те же значения – «насилие» и «возврат к старым несправедливостям власти».

О насилии пришедших к власти большевиков Колосов открыто написал в статье «Новый вид областничества» от 10 марта 1918 г. Он такими словами описывал установление Советской власти в Сибири: «Среди развалин и неубранных трупов, в обстановке грабежей и наглых преступных убийств [...] образуется новая, якобы социалистическая власть»⁷⁸. Здесь автор имел в виду вторые, после Москвы, по масштабам и количеству жертв в России бои между сторонниками и противниками установления Советской власти, которые произошли в Иркутске в декабре 1917 г. Он считал их зловещим предзнаменованием.

В Сибири во главе центрального органа местной Советской власти – Центрального исполнительного комитета Советов Сибири

(Центросибиряки) – с конца октября 1917 г. оказался Б.З. Шумяцкий. В этом факте Колосов не мог не видеть явного провала своей предшествующей борьбы и деятельности. Оказалось, что документальные свидетельства аморального поведения большевика-правдиста Б.З. Шумяцкого в 1913–1915 гг. за сроком давности не дискредитировали его, а, скорее, способствовали росту известности. Поэтому Колосов был вынужден повторить свои старые доводы, дав на их основе противнику в высшей степени негативную эмоциональную характеристику: «Лживый и вероломный по натуре, крайне неразборчивый в средствах борьбы, объявленный своими же товарищами-большевиками “бессовестным лжецом и клеветником”»; выпущавшийся из судебного процесса 1915 г. с помощью жандармского полковника Маматказина; энергичный и изворотливый как змея и как змея же готовый на всякую измену и предательство – таков этот новый председатель сибирской областной власти»⁷⁹. Центросибиряки в целом Колосов назвал «ящиком Пандоры, в котором собрано все зло нашей окраины». Этот публичный выпад Евгения Евгеньевича против Б.З. Шумяцкого оказался последним. Очевидно, что старых доводов для нового витка кампании по дискредитации было не достаточно, а новых, по-видимому, у Колосова не было.

Острыми и драматичными были статьи Колосова, посвященные ряду событий в столице. 23 марта 1918 г. в газете «Дело народа» Евгений Евгеньевич поместил статью о расстреле в Москве за «заговор против Советской власти» шести юношей, которые по его утверждению «сторонились политики». В качестве косвенного доказательства приверженности большевиков насильственным методам Колосов сравнил В.И. Ленина с бывшим градоначальником Санкт-Петербурга генералом Н.М. Барановым⁸⁰. По поводу введения большевиками революционных трибуналов как чрезвычайных судов Евгений Евгеньевич развил литературную аллюзию на пугачевщину по мотивам «Капитанской дочки» А.С. Пушкина⁸¹.

Весной 1918 г. небольшевистскую прессу объединило негодование по поводу заключения сепаратного Брестского мира, знаменовавшего поражение России в Мировой войне. Этот «мир» стал одним из ключевых факторов, обусловивших эскалацию гражданской войны в России. В связи с заключением Брестского договора вновь обострился интерес Колосова к международной политике. Темы «предательства союзников» и «убийства родины» стали лейтмотивами кри-

тики большевиков в статьях убежденного оборонца. В проникновенных публикациях «Над трупом Франции» и «Умерла ли Франция?» автор противопоставлял патриотизм и стойкость французов извращенной, по его мнению, логике большевиков о победе мировой революции в результате поражения национальных правительств.

Мнению о героически сражавшейся Франции Колосов противопоставил свой взгляд на советские вооруженные силы. Поводом для памфлета «Дыбенко» стало известие об аресте большевика П.М. Дыбенко, который, командуя сводным красноармейским отрядом из матросов, в феврале 1918 г. без боя сдал Нарву, которая прикрывала Петроград от германского наступления⁸². Автор привел свидетельства очевидцев о бегстве «героя Октябрьской революции», «чучела горохового» и ехидничал, что «красным с буржуями воевать противно». При этом, по-видимому, сильнее всего задевало Колосова то обстоятельство, что большевики не афишировали причину ареста П.М. Дыбенко: «Можно подумать, что это какие-то домашние ссоры». Для Евгения Евгеньевича это было свидетельством самоуправства и авторитарного стиля правления большевиков.

На периферии внимания Колосова в первой половине 1918 г. были левые эсеры и кадеты. Первых он называл «пустословами»⁸³ и «мочальным хвостом при большевиках»⁸⁴. Вторых обвинял в «моральном босячестве» за рассуждения в стиле «чем сильнее большевики скомпрометируют социализм, тем лучше для либералов»⁸⁵. В позициях, риторике и тактике этих партий Евгений Евгеньевич видел проявление тотальной большевизации и отступление от идеалов Февральской революции.

В целом Колосов характеризовал политическую жизнь в России того времени как картину эскалации насилия, превалирования макиавеллизма и апатии невежественных масс. На тех же китах, по его мнению, базировалось свергнутое самодержавие. В связи с этим весной 1918 г. он прогнозировал «кризис» и «полное банкротство» Советской власти⁸⁶.

Весной 1918 г. Колосов попытался оценить политическую ситуацию на востоке России. В статье «Что делается в Сибири», опубликованной 18 мая 1918 г. в «Деле народа», автор изложил свое видение расклада военно-политических сил в крае. На основе сообщений большевистской прессы, «приходивших с большим опозданием и не отличавшихся точностью, а тем более полнотою», Евгений Ев-

геньевич зафиксировал противостояние двух коалиций: австро-германской и японо-китайской. По его мнению, австро-германские силы руководили большевиками и военнопленными, а японо-китайские действовали руками атамана Г.М. Семенова в Забайкалье. За достоверность такой интерпретации автор не ручался, будучи уверен только в том, что в Сибири идет «борьба с внешним врагом и реакцией внутри».

Вскоре стало ясно, что ситуацию в Сибири определяли иные общественно-политические силы. Положение на востоке России кардинально изменилось в результате начавшегося в конце мая 1918 г. вооруженного выступления Чехословацкого корпуса. Его части совместно с русскими вооруженными формированиями в течение лета свергли Советскую власть на территории края. Вооруженное выступление антибольшевистских сил положило начало широкомасштабной гражданской войне в России. Сибирь надолго стала основным плацдармом организованного вооруженного противостояния Советской республике.

Во второй половине 1918 г. Колосов сотрудничал в сибирских газетах как автор статей на общественно-политические темы. Его тексты публиковались в основном в эсеровской газете «Воля Сибири», которую учредил в Красноярске Енисейский губернский комиссариат Временного Сибирского правительства. Ряд ключевых материалов Колосов поместил в повременном органе Всесибирского краевого комитета партии эсеров «Голос народа», выходившем в Томске. Отдельные статьи Евгения Евгеньевича публиковала иркутская общественно-политическая газета «Сибирь», томская земская «Народная газета» и ряд других изданий. По мере ужесточения политического режима контрреволюции свобода слова ограничивалась, сокращалось число социалистических изданий.

Публицистика Колосова лета – осени 1918 г. отличается от предшествовавшей попытками автора делать масштабные обобщения и широкие умозаключения. Опираясь на опыт, полученный за время революции, он перестал обвинять за катастрофическую политическую ситуацию в России только большевиков и большевизм и стал искать новые решения для реализации программы партии эсеров.

В статье от 16 июля 1918 г. «Пути и путы к возрождению России», написанной на Иркутском фронте на станции Белая, автор изобразил мрачную картину гибели России. Основные причины

«государственного краха», по его мнению, были субъективными. «Революционная фразеология заменила для нас революционное действие», не было «мужества» и «ответственности», отсутствовала «политическая подготовленность» к решению общегосударственных задач. При этом «виновника» Колосов нигде прямо не назвал. Судя по контексту, это были «социалисты», отождествляемые с «революционной демократией».

Абстрактное осуждение «революционной демократии» Колосов дополнил целенаправленной критикой. Например, Евгений Евгеньевич подверг разгрому «туманившую мысль» и «не дававшую ничего конкретного» статью о Советах эсера Б. Лойко, опубликованную в газете «Голос народа». В отстаивании идеи Советов, запрещенных Временным Сибирским правительством в июле 1918 г., Колосов видел догматизм и непонимание ситуации. Собственно проблему он считал решенной: «Советов как органов государственного управления нам не нужно», они «строили свое господство на деклассированном элементе и никогда не были органами классового единения». Однако Колосов продолжал полемику с Б. Лойко, дабы «вернуть» партию эсеров в лоно реальной политики. Колосов уличил оппонента в «путанице понятий» и «неверных выводах» и, сделав акцент на том, что последний писал от имени Всесибирского крайкома, воскликнул: «Бедная партия! Бедная Россия!»⁸⁷.

Одновременно с критикой в адрес «революционной демократии» Колосов развивал тезис о первостепенной важности национальных, государственных и политических задач. Летом 1918 г. Евгений Евгеньевич сетовал на то, что «демократия привыкла быть в оппозиции к власти и принимать участие в событиях только в роли критика» и в противовес призывал «собрать живые силы вокруг идеи родины»⁸⁸. Гражданская война заставила его пересмотреть взгляды, подтолкнула поставить в качестве приоритетных чисто политические задачи.

Летом – осенью 1918 г. Колосов оказался вовлечен в водоворот борьбы за государственную власть на востоке России, а основным его оружием продолжало служить слово. Стремясь отстоять позиции социалистов и защищая Сибирскую областную думу, Колосов выступил в печати против редактора самой многотиражной и известной газеты края «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова. Последний был вдохновителем «потанинского кружка», продвигал идею авторитетной, внепартийной государственной власти. Он был влия-

тельной фигурой среди местной политической общественности того времени. По характеру А.В. Адрианов был человеком горячего темперамента, который для достижения поставленной цели не стеснялся в выборе средств, зачастую даже нарушая общепринятые нормы поведения⁸⁹. Поводом для демарша Колосова против «злого гения сибирской журналистики» стала публикация в «Сибирской жизни» материалов под названием «К вопросу об организации власти» от 27 августа 1918 г.

Накануне объединения вооруженных сил контрреволюции, наступавших на Забайкалье из Сибири и с Дальнего Востока, обозначилась перспектива организации всероссийского антибольшевистского правительства, имевшая стратегическое значение. Эсеры, стремительно терявшие позиции в государственном управлении на востоке России, предпринимали отчаянные попытки перехватить инициативу. С этой целью через Телеграфное агентство Комуча они распространили сообщение бывшего уполномоченного Временного Сибирского правительства эсера-максималиста Б.Д. Маркова. Он кратко изложил историю Временного Сибирского правительства и выразил уверенность в том, что предстоит объединение под руководством эсера П.Я. Дербера «дальневосточных» и «сибирских» министров, избранных в январе 1918 г. Сибирской областной думой. Однако в августе 1918 г. омский Совет министров Временного Сибирского правительства и владивостокское Временное правительство автономной Сибири уже не являлись фракциями одного правительства. Фактически они были двумя разными органами верховной государственной власти с различными задачами и политическими программами. Поэтому ответ на вопрос об их взаимоотношениях и будущей конструкции власти на востоке России был далеко так неоднозначен, как об этом заявил Б.Д. Марков.

Боровшийся за создание всероссийской беспартийной авторитетной власти, поддерживавший Совет министров Временного Сибирского правительства А.В. Адрианов выступил с опровержением заявления Б.Д. Маркова. Он доказывал беспочвенность претензий владивостокской «группы» П.Я. Дербера на власть и написал о сформированном на Дальнем Востоке в противовес ей Деловому кабинету генерала Д.Л. Хорвата. Последний, по мнению А.В. Адрианова, мог помочь омскому Совету министров Временного Сибирского правительства в организации крепкой государственной власти, не составляя

при этом ему конкуренции. Кроме того, редактор «Сибирской жизни» подверг критике весь «левый» спектр общественно-политических сил в Сибири. По его мнению, они дискредитировали существовавшее в крае правительство.

Объемная статья А.В. Адрианова «К вопросу об организации власти» носила принципиальный характер. Автор тщательно ее готовил, вынашивал на протяжении почти двух недель с момента публикации сообщения Б.Д. Маркова, подбирал документы, придерживал новости. Она была написана в основном в размеренном тоне, взвешенно, доказательно, без патетики и экзальтации. При этом присутствовавшие жесткие формулировки и субъективные оценки придавали тексту остроту и динамизм. Для убеждения читателей А.В. Адрианов использовал различные приемы: от официальных телеграмм политических деятелей и сообщений телеграфных агентств до собственного опыта и знаний. Главным козырем А.В. Адрианова стали телеграммы, полученные им из Харбина от его старого знакомого, журналиста М.О. Курского, который в то время являлся министром Делового кабинета Д.Л. Хорвата. В телеграммах содержались неизвестные сибирской общественности сведения о политической ситуации на Дальнем Востоке. В дополнение к статье А.В. Адрианов опубликовал приветствие «потанинского кружка» с выражением поддержки харбинскому Кабинету Д.Л. Хорвата.

Сибирские эсеры были явно обескуражены публикацией А.В. Адрианова, нанесяшей серьезный удар по их позициям. Поэтому Колосов на статью «Сибирской жизни» моментально ответил резким выпадам со страниц самой многотиражной газеты эсеров «Голос народа». В статьях «Запрос потанинскому кружку» от 28 августа 1918 г., «К организации власти» от 8 сентября 1918 г., «Ответ господину „Летописцу“» и «Правительство генерала Хорвата и „потанинский кружок“» от 10 сентября 1918 г. Евгений Евгеньевич возмущался «самозванным вмешательством» А.В. Адрианова в политическую жизнь. Он обвинил А.В. Адрианова в «преступном замалчивании» состава «потанинского кружка», игнорировании Сибирской областной думы, необъективной рекламе личности генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата и планах создать власть «путём частного сговора». При этом Колосов выразил надежду на то, что «когда генерал Хорват узнает истинное положение дел, то не станет держаться за антигосударственный и антидемократический путь организации власти»⁹⁰.

Эмоционально-принципиальные выпады Колосова оказались откровенно слабее развернутой статьи А.В. Адрианова, в которой с опорой на большое количество фактов было сформулировано видение политической ситуации. Информация последнего действительно не отличалась прозрачностью и достоверностью, но социалисты не смогли оперативно ее ни проверить, ни опровергнуть. Публикации «Сибирской жизни» сыграли свою роль: они дезориентировали эсеров и воодушевили «правые» круги, подхватившие славословия в адрес правительства Д.Л. Хорвата. Значение же выступлений в прессе Колосова свелось к демонстрации растерянности «революционной демократии».

Материал для конструктивной критики статьи А.В. Адрианова у Колосова появился позднее. В поездке на Дальний Восток в сентябре 1918 г. он познакомился с М.О. Курским и окунулся в атмосферу общественно-политической жизни Харбина. Полученную информацию и свои впечатления он обобщил в брошюре «Дальний Восток и наше будущее», опубликованной только в феврале 1919 г. В ней он заклеймил А.В. Адрианова как мистификатора, обвинил его в развязывании «опасной для государства кампании против сибирской демократии» и фабрикации общественного мнения, со слов Г.Н. Потанина заявил, что А.В. Адрианов пользовался именем «патриарха сибирского областничества», не имея на то оснований. Телеграммы М.О. Курского Колосов назвал «настоящим американским блефом». Деловой кабинет Д.Л. Хорвата он оценил как правительство без территории, собственных средств и вооруженных сил, к тому же не имевшее поддержки у населения⁹¹.

В феврале 1919 г. критика материалов, опубликованных в августе 1918 г. в «Сибирской жизни», уже не имела жгучей остроты и не могла сыграть сколько-нибудь значительной политической роли. К тому времени политическая ситуация на востоке России претерпела существенные изменения. В сентябре 1918 г. Совету министров Временного Сибирского правительства передали свои полномочия существовавшие на Дальнем Востоке Временное правительство автономной Сибири и Деловой кабинет Д.Л. Хорвата. В октябре 1918 г. Д.Л. Хорват был назначен верховным уполномоченным Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке. Колосову оставалось только сетовать на то, что «вымысел – самое силь-

ное оружие в политической борьбе», и те, кто «не стесняется прибегать к прямой фальсификации, всегда остается в выигрыше»⁹².

Позиции самого Колосова по вопросу об организации власти летом – осенью 1918 г. оставались весьма неопределенными. Он постоянно говорил о демократии, народоправстве и Учредительном собрании. По всей вероятности, его устраивала существовавшая в августе 1918 г. конструкция из Совета министров Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы. Затем он поддержал учрежденное на Уфимском Государственном совещании Всероссийское Временное правительство и критиковал призывы к изменению созданной в Уфе политической системы.

Ее главными политическими противниками в то время Колосов считал кадетов. В статьях «Русские либералы, П.Н. Милуков и немецкая ориентация» от 5 сентября 1918 г., «Бойкот областной думы и его последствия» от 6 сентября, «Кадетская программа смены правительства» от 11 сентября, «Русские либералы о немецкой ориентации» от 15 сентября Евгений Евгеньевич обвинил местных кадетов в игнорировании Сибирской областной думы, раскритиковал их за недовольство Советом министров Временного Сибирского правительства и стремление к установлению режима диктатуры.

В провозглашении кадетами идеи диктатуры Колосов видел сближение либералов с большевиками. В частности, «кадетствующего большевика» А.В. Жардецкого, сотрудника омской газеты «Сибирская речь», он уличил в ориентации на государственный переворот и в установление «единоличной диктатуры генерала Алексева», что, по его мнению, означало, «работу на гибель России»⁹³.

Вместе с тем Колосов изменил свое отношение к Сибирской областной думе как законодательному органу местной власти. В сентябре 1918 г. он видел в ней только «трибуну, место для политического объединения разных общественных групп, [...] вне которого не может быть возрождения России»⁹⁴. По большому счету, Евгений Евгеньевич не предлагал внятной альтернативы установлению авторитарной власти в условиях гражданской войны. Его позиция сводилась к следующему: «Мы готовы пойти на предоставление государственной власти широких диктаторских полномочий. Но это не значит, что мы должны свернуть свои знамена перед первым претендентом, который, опираясь на физическую силу, потребует, чтобы к его но-

гам сложили власть и неограниченные полномочия и даже идею народоправства. Этого от нас не дождутся»⁹⁵.

Насущные проблемы организации власти на востоке России отгеснили в публицистике Колосова тему большевизма. Тем не менее, даже в условиях недостатка информации он продолжал отслеживать события, происходившие на территории Советской республики. В частности, Евгений Евгеньевич откликался на газетные сообщения и слухи, которые подтверждали его ранее сложившиеся впечатления.

Так, в статье «Вести с того мира», написанной в Томске 6 августа 1918 г., Колосов разоблачал предательские «поклоны» большевиков в сторону Германии и применение ими чрезвычайных насильственных мер: сметной казни и заложничества. Скупно пересказав содержание отдельных сообщений из газет о расстреле «спасшего от германского флота» русские корабли на Балтике капитана А.М. Щастного, о расформировании минной дивизии, стоявшей на Неве, об убийствах, сопровождавших разгон собрания рабочих Александровских железнодорожных мастерских в Москве в июне 1918 г., об аресте критиковавшего большевиков писателя А.В. Амфитеатрова и т. п., Колосов заключил: «Бессмысленна, тупа и зла вся политика большевиков»⁹⁶.

Впечатления Колосова о разгуле насилия в советской России, сложившиеся на основе опубликованных в прессе сообщений, осенью 1918 г. вылились в рассуждения по поводу большевизма как о «грандиозных размеров нечаевщине»⁹⁷. Евгений Евгеньевич отказал большевикам, опиравшимся якобы на «бессознательные стихийные массовые движения», в праве называть себя социалистами. Таким образом, он окончательно отделил их от собственных идеализированных представлений о революционном движении. Более того, понятия «большевизм» и «совдепщина» в статьях Колосова стали нарицательными, заменив «царизм» и «самодержавие» в значении «худший политический режим».

* * *

Государственный переворот 18 ноября 1918 г., в результате которого был установлен авторитарный политический режим во главе с Верховным правителем А.В. Колчаком, предопределил уход Колосова в оппозицию к власти. Однако решающим фактом, вызвавшим непримиримый протест против Российского правительства, стала бессудная расправа в конце декабря 1918 г. с его товарищем

по партии и соратником по политической работе Н.В. Фоминым.

В январе – феврале 1919 г. Колосов неофициально занимался в Омске расследованием убийств, совершенных колчаковцами после подавления восстания в декабре 1918 г. По его результатам он опроверг официальную версию офицерского самосуда и пришел к выводу, что убитые были приговорены к расстрелу военно-полевым судом. В расправе был замешан генерал-майор П.П. Иванов-Ринов, а Верховный правитель оказался повязан с военщиной и поэтому должен был нести ответственность за расстрел. Опубликовать статью с такими заключениями Колосову не удалось⁹⁸, а сам он был вынужден перейти на полуполюгальное положение. Несмотря на это, его не оставляла уверенность в том, что открытая пропаганда является приемлемым и наиболее действенным методом политической борьбы, и от подпольной деятельности отказался.

Весной 1919 г. Колосов вел открытую агитационно-пропагандистскую работу в Красноярске. «Организационной ячейкой» для своей деятельности он выбрал местное самоуправление, поскольку земство ему «казалось пока не тронутым правительственной ломкой, оно стояло в близких отношениях с крестьянством и в нем ютилось много лиц, так или иначе связанных с социалистическим движением»⁹⁹.

В Енисейском губернском земстве Евгению Евгеньевичу предлагали пост председателя управы. Однако он отказался от этой должности. В итоге председателем губземуправы избрали агронома Г.П. Сибирцева, а Колосов стал сотрудником издательско-литературного отдела. Это давало ему возможность без лишнего груза ответственности быть в курсе всей деятельности земства, следить за политической ситуацией. Тем более, что Евгений Евгеньевич имел возможность оказывать влияние на председателя губземуправы, чем, по всей вероятности, и пользовался¹⁰⁰.

Одновременно с работой в земстве Колосов укреплял связи с чешскими полковыми комитетами, так как в руководстве корпуса в это время он уже не находил поддержки.

В 20-х числах мая 1919 г. Колосов уехал на Алтай, скрываясь от преследований контрразведки особоуполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии генерал-лейтенанта С.Н. Розанова. Пробыв на Алтае целый месяц, Евгений Евгеньевич приступил к нелегальной проти-

воправительственной работе. В конце июня 1919 г. «на перегоне Новониколаевск–Тайга»¹⁰¹ он тайно встретился с опальным генералом Р. Гайдой, задумавшим государственный переворот. Затем под прикрытием чехов Колосов вернулся в Восточную Сибирь, где стал устанавливать связи с партизанскими отрядами и вошел в контакт с членами партии эсеров, работавшими в подполье.

Тем временем Сибирский краевой комитет партии эсеров находился в нерешительности. С одной стороны, он признавал необходимой вооруженную борьбу с колчаковской властью; но с другой – считал ее преждевременной за недостатком сил. Предложение Р. Гайды об организации государственного переворота руководство эсеров расценило как авантюристическое. Колосова же не устраивали колебания Сибкрайкома. По его мнению, «только быстрый и решительный удар – удачный заговор – может быть еще мог спасти положение, сохранить демократическую Сибирь»¹⁰².

В конце сентября – начале октября 1919 г. Колосов принял участие в организации нелегального земско-социалистического совещания, прошедшего в Иркутске. Для руководства движением было избрано Земское политическое бюро в составе Колосова, правых эсеров Б.А. Косьминского и Я.Н. Ходукина. Платформа Политбюро была одновременно антиколчаковской и антибольшевистской. В ноябре 1919 г. совместно с Крайкомом эсеров, Сибирским ЦК объединений трудового крестьянства, Центральным исполнительным комитетом профсоюзов Сибири и Сибирским подпольным комитетом РКП(б) Земское политбюро приняло участие в создании единого руководящего органа – Политического центра для свержения колчаковского режима и создания Восточно-Сибирского буферного государства на началах народовластия¹⁰³.

Из-за непоследовательности и нерешительности «демократического блока» антиколчаковский переворот в Красноярске произошел только 23 декабря 1919 г., когда Российское правительство А.В. Колчака доживало свои последние дни в Иркутске. Власть в Красноярске оказалась в руках губернского комитета общественных организаций. Председателем комитета был избран Г.П. Сибирцев, членами президиума – Колосов, П.М. Линицкий и Н.М. Боровик. На первом заседании губернского комитета было принято решение об издании газеты «Народный голос», редактором которой стал Евгений Евгеньевич. За поддержание общественного порядка отвечал

командующий войсками Енисейской губернии генерал-майор Б.М. Зиневич. Как вспоминал писатель Вс.Н. Иванов, работавший тогда в проправительственном Русском обществе печатного дела: «В городе было тревожно, и только один человек владел общим вниманием. Это был Евгений Колосов, член Учредительного собрания, журналист острого стиля. Этот эсер и ярый демагог, можно сказать, овладел генералом Зиневичем»¹⁰⁴.

«Власть земства» в Красноярске была ликвидирована 4 января 1920 г. большевистским переворотом. За два дня до того состоялся телеграфный разговор между Колосовым и генералом Б.М. Зиневичем, с одной стороны, и военно-политическим комиссаром бригады Красной армии, наступавшей на Красноярск, с другой. Большевики ни на какие соглашения идти не собирались, о чем сразу заявили. Но Колосов все же сообщил им, что в руках Политцентра находились города от Красноярска до Владивостока, А.В. Колчак и золотой запас Российской империи. Колосов признавал: «Конечно, вы победители, и нам необходимо пойти на уступки. Однако не преувеличивайте слишком свои силы». Основным аргументом, на который ссылался Евгений Евгеньевич, являлось сложное международное и военно-политическое положение на востоке, а также якобы существовавший фронт «демократии» против «реакции», которую поддерживала Япония. Последняя фраза в разговоре выражала безнадежность, смешанную с иронией: «Еще раз желаю вам всего хорошего и полного самовладения, дабы не слишком быть опьяненными победой»¹⁰⁵.

После установления Советской власти в Красноярске Колосов в составе мирной делегации Политического центра, которую возглавлял член ЦК РСДРП И.И. Ахматов, отправился в Томск. Там 19 января 1920 г. состоялись переговоры между Политцентром, Реввоенсоветом 5-й армии и Сибирским революционным комитетом. Политцентровцы предложили создать «буферное государственное образование на демократических началах» для борьбы с дальневосточной реакцией и в надежде на дипломатическую помощь Америки в обуздании претензий Японии на русские территории¹⁰⁶. Решение о создании буфера было принято 20 января 1920 г., но 22 января в Иркутске Политцентр сдал власть местному революционному комитету. На этом борьба Колосова за «землю и волю» закончилась.

В условиях колчаковского политического режима Колосов испытывал серьезные трудности с публикацией своих статей в прессе и

гнетущее давление всей обстановки: «Во тьме течет наша жизнь и тьмою питается»¹⁰⁷. На территории, подвластной Российскому правительству, оппозиционная печать подвергалась гонениям. В декабре 1918 г. эсеры потеряли последнюю влиятельную партийную газету. Зимой 1919 г. Колосов писал: «Публичные лекции были почти единственным способом общения с аудиторией, доступным для меня. Теперь и этого способа нет»¹⁰⁸. Поэтому он решился на издание брошюры. В феврале 1919 г. он незначительно доработал лекции, прочитанные в ноябре 1918 г., и под заглавием «Дальний Восток и наше будущее» опубликовал в типографии Енисейского губернского союза кооперативов.

В первой лекции брошюры «Дальний Восток и наше будущее» Евгений Евгеньевич рассказывал о расстановке сил на международной арене. При этом он поверхностно рассуждал о глобализации, едином мирохозяйственном организме, весьма приблизительно рисовал цели ведущих держав в Мировой войне. Ключевым игроком за русский Дальний Восток он считал Японию, целенаправленно игравшую на понижение курса рубля и скупавшую промышленные предприятия в России. Единственной силой, которая могла пресечь притязания Японии, автор считал США с их сильными индустрией, финансами и армией.

Позицию России на Дальнем Востоке Колосов квалифицировал как крайне слабую. Он перечислил основные организации и учреждения, претендовавшие на роль институтов государственного управления во Владивостоке, и оценил ситуацию как «анархию власти». Следствием этого автор считал разрушение единой денежной системы. Волна денежного кризиса, по его мнению, быстро катилась с востока на запад и грозила разрушением всей экономики Сибири. Как результат дальневосточных неурядиц Колосов пророчил голод и полное порабощение России иностранными державами. Здесь Евгений Евгеньевич впервые затронул вопрос о роли экономики в жизни страны, но одновременно подчеркнул первостепенную важность политики. Перефразируя основоположника теории экономического либерализма А. Тюрго, он писал, что именно «хорошая политика дает хорошие финансы»¹⁰⁹.

Ситуация на Дальнем Востоке натолкнула Колосова на рассуждения о сущности власти. В результате он заключил, что именно государство «собирает воедино все силы народа», без него наступа-

ет «вакханалия взаимного истребления»¹¹⁰. «Правильная государственная организация», по мнению автора, помимо аппарата принуждения должна основываться на авторитете и праве. Впрочем, такую позицию по вопросу о роли государства Колосов занимал давно, но только в начале 1919 г. прописал ее внятно и последовательно.

Во второй лекции брошюры «Дальний Восток и наше будущее» Колосов сосредоточил внимание на том, какие российские общественные группы опираются на иностранные силы. Здесь автор основное внимание уделил характеристике прояпонского, по его мнению, Делового кабинета Д.Л. Хорвата и истории его телеграфной переписки с «потанинским кружком» в августе 1918 г. Последовательно разоблачая «кампанию либеральной прессы» в поддержку генерала Д.Л. Хорвата, Колосов представил ее как ступеньку в развитии идеи установления диктатуры монархического типа. За это он обвинил А.В. Адрианова и сибирских кадетов в реакционности, антинациональной работе и большевистско-макиавеллевской готовности сделать все ради обеспечения собственной власти.

Альтернативой «реакционным» силам Колосов считал чехословаков. Он вновь доказывал их искренний патриотизм, государственность и глубокую преданность идее народоправства. Евгений Евгеньевич считал, что участвовавший в свержении Советской власти на востоке России Чехословацкий корпус не только показал пример одновременно дисциплинированной и демократической армии, но смог поднять авторитет местной власти. В доказательство прогрессивной роли чехословаков автор привел сведения об отдельных действиях Р. Гайды. Среди них попытка призвать к ответственности полковника Богданова, начальника бронепоезда отряда атамана Г.М. Семенова, за реквизицию локомотива у направлявшегося на фронт чешского эшелона и вмешательство в конфликт между рабочими и администрацией Восточно-Китайской железной дороги, который, по его мнению, был спровоцирован управляющими дороги.

Колосов сожалел об «отходе чехов от государственных дел» в России, причиной которого считал давление «реакции». Однако он не терял веру в поддержку сибирской революционной демократии со стороны Чехословацкого корпуса. В брошюре Колосов пересказал свой разговор с Р. Гайдой о золотом оружии, подаренном ему Томским биржевым комитетом за военную доблесть. В ответ на фразу Евгения Евгеньевича о надеждах томских биржевиков на то, что

«этим золотым клинком вы заколете русскую свободу», Р. Гайда якобы ответил: «Ну, хорошо, больше они мне этих шпаг подносить не будут»¹¹¹. В ноябре 1918 г. после публичной лекции Колосова, на которой он впервые пересказал эту историю, томские биржевики сделали специальный запрос командованию. В ответ на него Р. Гайда заявил, что такого разговора с Колосовым у него не было¹¹². Однако Евгений Евгеньевич настойчиво продолжал говорить и писать о нем, объясняя свои расхождения с генералом тем, что у Р. Гайды не было другого выхода, как солгать биржевикам¹¹³.

Своим идейным и политическим оппонентам Колосов такого бы не спустил и обязательно обличил во лжи и моральной нечистоплотности, как в случае с А.И. Окуловым и Б.З. Шумяцким. Причины же для «прощения» Р. Гайды были вескими. Во-первых, история взаимоотношений Колосова с чехами давала ему основание надеяться на них как на оплот демократии на востоке России. Во-вторых, Чехословацкий корпус был в значительной мере самостоятельным и хорошо вооруженным формированием, а в условиях гражданской войны без поддержки армии нельзя было рассчитывать на политические успехи. В-третьих, по всей вероятности, Колосов видел в Р. Гайде, который весной 1919 г. командовал Сибирской армией, колеблющегося политика и своими публикациями стремился связать его с местной «революционной демократией».

В заключении брошюры «Дальний Восток и наше будущее» Колосов потребовал «уничтожения партикуляризма, уничтожения совдепщины, как левой, так и правой, объединения России через Учредительное собрание в мощную, свободную, демократическую державу»¹¹⁴. Автор считал этот путь уже проторенным западноевропейскими странами и рисовал «спасение» России в «правовом сознании, в умении организовать правовое государство, способное удовлетворить интересы народа». При этом автор не назвал ни одной солидарной с ним социально-политической группы. Создается впечатление, что на арене политической борьбы остались только он и Р. Гайда, противостоявшие реакции, атаманщине, цензовикам и либералам.

С весны 1919 г. и до начала 1920 г., на наиболее опасном этапе своей политической деятельности, Колосов печатался сравнительно мало. Несколько авторских статей были помещены им в журнале «Новое земское дело», редактором которого в апреле – мае 1919 г. был он сам, и в журнале Вс.М. Крутовского «Сибирские записки».

Объемная анонимная публикация появилась в «Чехословацком дневнике». Раскрыл свой журналистский потенциал Колосов в конце 1919 – начале 1920 г., выпустив в Красноярске шесть номеров газеты Земского политбюро «Народный голос».

В апреле 1919 г. Евгений Евгеньевич впервые обратился к анализу политики Российского правительства А.В. Колчака¹¹⁵. Поводом для этого стали опубликованные в прессе декларация правительства по земельному вопросу и два интервью: с министром земледелия Н.И. Петровым и директором земельного отдела министерства земледелия Н.Н. Козьминым. Колосов, который мыслил категориями программы партии эсеров, раскритиковал программу правительства. По его мнению, министр предлагал вернуться к столыпинской реформе, а значит – к частной земельной собственности и к «ставке на сильных». В свете заявления министра о непредрешении формы землепользования и приоритете развития мелких трудовых хозяйств без различия того, в частной или общественной собственности они будут находиться, Евгений Евгеньевич считал такую позицию демагогической.

По поводу упоминания в правительственной декларации, опубликованной 10 апреля 1919 г.¹¹⁶, Национального собрания как верховной законоустанавливающей инстанции Колосов выразил бурю негодования. Во-первых, он считал подмену установившейся терминологии искажением идеи Учредительного собрания. Во-вторых, высказал недоверие колчаковской власти, заявив, что Российское правительство поступит с Национальным собранием также, как Совет народных комиссаров поступил с Учредительным собранием в январе 1918 г. Это, по мнению Колосова, было неминуемо, так как Национальное собрание непременно откажется утвердить принятые правительством решения и проголосует за отмену частной собственности на землю.

Непоколебимая убежденность в правильности земельной программы партии эсеров и несгибаемая вера в идею Учредительного собрания, по всей вероятности, придавали последовательному народнику-пропагандисту силы для борьбы. Вряд ли Колосов просто бравировал партийными клише для достижения личных политических целей. Напротив, проявляя последовательность и упорство в отстаивании лозунгов, несмотря на явные провалы в их реализации, он не укреплял свой авторитет.

Международному положению была посвящена объемная статья Колосова «Долг Англии перед Россией»¹¹⁷. Поводом для публика-

ции стали лекции, прочитанные в Красноярске профессором русского языка и литературы Ливерпульского университета Б. Персом, прибывшим в Сибирь по поручению британского правительства. Б. Перс заверял слушателей, что Англия помнит и ценит роль Российской армии в Мировой войне и заявлял: «Россия нужна как единая держава не только для русских, но и для англичан». Профессор утверждал, что главным виновником российских бедствий было самодержавие, а «новая власть должна получить открытое признание всенародным представительным органом». Венчалось выступление Б. Перса мнением о том, что долг Англии «дать русскому народу возможность высказать свою волю, сняв с него оковы чужой власти и вернув ему его прежнее международное положение».

Колосов, сочувствовавший словам Б. Перса, попытался найти подтверждение их искренности и обоснованности. Приведя несколько фактов из истории Англии и ее современного политического устройства, Евгений Евгеньевич стал склоняться к тому, что словам профессора «нельзя не придавать самого серьезного значения». В заверениях о поддержке англичанами русского народа Колосов увидел надежду на спасение России. Но витиеватые слова Б. Перса были всего лишь лекцией профессора, и Евгений Евгеньевич сомневался в возможности масштабной и бескорыстной помощи союзников: «Верю, Господи! Помози моему неверию»¹¹⁸.

Результатом размышлений Колосова о политических процессах в Сибири стала статья «По поводу двух приказов» в номере от 25 мая 1919 г. журнала «Новое земское дело». Речь шла о приказе командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды о пресечении незаконных насилий со стороны военных и представителей власти¹¹⁹ и о приказе начальника 3-й чехословацкой стрелковой дивизии полковника Прхалы об охране железной дороги и мирного населения Енисейской губернии¹²⁰. Р. Гайда демонстрировал стремление защищать население от произвола власть имущих, а Прхалы защищал порядок, угрожая населению «строгими карами, не исключая и смертной казни».

Прямых выводов по этому поводу Колосов не делал, а предлагал вспомнить историю борьбы с Советской властью в Восточной Сибири в 1918 г. Евгений Евгеньевич утверждал, что крестьянство Енисейской губернии никогда не поддерживало большевиков и «всюду восставало против Советской власти». Чешские же войска «вобрали в

себя всю ненависть мирного населения к чуждой по существу ему власти, и, опираясь не только на свое оружие, которого у них сначала было так мало, а главное, опираясь на моральное и на политическое сочувствие огромных кругов населения, свергли Советскую власть к общему ликованию»¹²¹. По мнению автора, это было проявлением «живой творческой силы истории», и к этому должны были стремиться политики.

Большевики в статье Колосова предстают уже не просто политическими противниками как ранее, а целым культурно-историческим явлением. По мере развития повествования он спорил с поверхностным утверждением о том, что большевизм якобы импортирован в Россию германским правительством.

Евгений Евгеньевич не соглашался также с сужением о классовости политики большевиков¹²². Он доказывал, что суть поведения В.И. Ленина и его сподвижников заключается в безудержном стремлении к власти и жестоких методах властвования. «Большевизм – это явление гораздо более общего характера, именно – явление национальное [...]. Большевизм – это своего рода колоссальная отрывка истории, атавистическая система, порожденная веками рабства, веками невежества, порабощения, насилия, гнета, оскорблений. [...] От времен крепостного права с его пугачевщиной, из эпохи татарской орды с ее методами властвования, поднялась [...] волна [...] и начала всё смывать на своем пути, всё сокрушать, государство, веру, порядок, культуру, науку»¹²³. «Навыки старой России», политическую культуру «держиморд», «пещерных людей прошлого», «грубых неучей» Колосов призывал изживать. Тактика большевиков, по его мнению, приводит только к «смуте, преступлениям, кровавому туману», а не к успокоению.

Таким образом, Колосов осуждал представителей государственной власти за чрезмерное применение насилия, считал их виновными в эскалации гражданской войны. При этом он заявил о полном неприятии большевизма, считая его абсолютным злом.

С середины мая по конец декабря 1919 г. политические взгляды Колосова не изменились. Он по-прежнему считал, что «тюрьме и нагайке не место в свободной стране»¹²⁴, а симпатии населения – на стороне демократии. Выбор между двумя врагами – Российским правительством А.В. Колчака и Советом народных комиссаров – он сделал, вступив в переговоры с большевиками. Однако этот выбор

был обусловлен победоносным наступлением Красной армии, а не признанием Советской власти.

Колосов не питал иллюзий насчет большевиков. Перед лицом противника он от размышлений о социокультурных основаниях власти перешел к прагматической оценке ситуации. В статье «Чего нам ждать от большевиков?» Колосов пересказал известные ему свидетельства о действиях красноармейцев в захваченных ими городах Сибири. Большевики в публицистике Колосова представляли политиками, реализовавшими свою программу. Без морализаторства и абстракций Колосов резюмировал: «Выводы не совсем отчаянные. Положение большевиков в России очень тяжелое. На нас новая волна народного возмущения. Большевики вступают в переговоры и готовы на уступки, но насколько серьезно это, мы не знаем»¹²⁵. Оценивая Советскую власть как порождение гражданской войны, он призывал продолжить борьбу с ней. Однако не нашел ничего лучше, чем противопоставить режиму большевиков абстрактную идею «настоящего народного правления, созданного единственно правильным путем, через полноправное и всенародно избранное Учредительное собрание»¹²⁶.

Последнюю ставку Колосов в декабре 1919 г. сделал на земское самоуправление. Именно в земстве он видел «опору для нового политического строя»¹²⁷. Преодолеть слабость и разобщенность земского движения Евгений Евгеньевич предполагал с помощью скорейшего созыва представительного органа с правом законодательствовать и управлять страной. Принципиально отрицая любые формы диктатуры, он писал о земской идее как единственном пути возрождения России. Стоит признать, что этот путь был неосуществим, поскольку в резерве земства оставался только идеализм социалистов и надежда на счастливый случай. Без вооруженной силы невозможно было одержать победу в войне.

В конце января 1920 г. Колосов был арестован чекистами якобы за статью «Чего нам ждать от большевиков?», но вскоре был выпущен на свободу. В августе 1920 г. в письме к жене он писал по поводу слухов о событиях на Дальнем Востоке: «Так хотелось бы чего-нибудь прочного и устойчивого, а то всякие перевороты дают только пищу для нового сумбура. [...] Мне это надоело [...], больше всего боюсь, чтобы не было переворотов. Довольно уже»¹²⁸. Весьма похоже, что социалист, посвятивший свою жизнь революционной

борьбе, был деморализован. Во всяком случае, с тех пор Колосов не писал острых и злободневных политических текстов.

* * *

Политик и публицист Колосов на протяжении революционной эпохи оставался убежденным народником и патриотом. Он был идеалистом, видел смысл жизни в борьбе за воплощение лозунга партии эсеров «Земля и воля». Первая, социально-экономическая, составляющая его идеологических установок в условиях пертурбаций 1917–1919 гг. оказалась оттеснена на второй план. Так как ликвидация частной собственности на землю, передача ее в общенародное достояние с распределением по трудовой или по потребительской норме зависели от решения вопроса о власти.

Представлениям Колосова о «воле» соответствовали политические завоевания Февральской революции 1917 г.: демократическая республика, декларирование свободы слова и собраний, широкие полномочия органов самоуправления. Не хватало только их закрепления всенародно избранным Учредительным собранием.

Виновниками разрушения «февральской» политической системы Колосов считал политиков, общественно-политические группы и партии. Главными и наиболее агрессивными из них, по мнению Колосова, были большевики. Уже весной 1917 г. он увидел в них угрозу свободе, и на протяжении 1917–1919 гг. критиковал их авторитарные замашки, безнравственность, склонность к насилию и безудержное стремление к власти. Либеральный лагерь стал казаться ему угрозой с того времени, как только кадеты начали искать «генерала на белом коне», и появились намеки на то, что они не исключают вероятность установления военной диктатуры. Гражданская война для Колосова означала полное поражение «революционной демократии», пороками которой он считал пустословие и бездействие.

Трансформацию политических режимов в России в годы гражданской войны Колосов оценивал через призму представлений о народоправстве, самодержавии и диктатуре. Желательным Евгений Евгеньевич считал компромисс различных антибольшевистских общественно-политических сил ради установления прочной демократической государственности. Летом – осенью 1918 г., когда его воплощение в жизнь казалось реализуемым, и более того – было осуществлено при создании Временного Всероссийского правительства, он встал на позиции государственника. Однако правитель-

ство не смогло удержать власть, и логика гражданской войны привела к установлению на востоке России авторитарного политического режима. Поэтому Колосов, уверовав в косность «подданнической» российской политической культуры, снова стал революционером.

В 1917–1919 гг. Колосов улавливал главные тенденции общественно-политических процессов в России. Однако политическое чутье, чувство конъюнктуры соседствовало у него с догматичными, иногда наивными ответами на вызовы времени и неизбежными для политика-пропагандиста элементами демагогии. Чего стоит одна вера в Учредительное собрание вопреки очевидному провалу российской конституанты в 1918 г. и собственному нежеланию работать в Комуче! Понимания того, «Кто виноват?», без четкого представления о том, «Что делать?», оказалось не достаточно для успеха в идейно-политической борьбе периода революции и гражданской войны.

Материалы к библиографии Е.Е. Колосова (март 1917 – декабрь 1919 г.)

Колосов Евгений. Молодое народничество 60-х годов // Сибирские записки (Красноярск). 1917. № 2. С. 116–131; № 3. С. 125–140.

Колосов Евгений. Жизненный путь Е.К. Брешко-Брешковской // Наш голос (Красноярск). 1917. 16 марта; Земля и воля (Петроград). 1917. 1 апреля.

Колосов Евгений. Новые течения среди социалистов // Наш голос (Красноярск). 1917. 16, 17 марта. № 1, 2.

Колосов Евгений. Нелепые слухи // Наш голос (Красноярск). 1917. 17 марта.

Колосов Евгений. Неотложное дело // Наш голос (Красноярск). 1917. 19 марта.

Колосов Евгений. По поводу речи Чхеидзе к семеновцам // Наш голос (Красноярск). 1917. 19 марта.

Колосов Евгений. Еще раз о «нелепых слухах» // Наш голос (Красноярск). 1917. 2 апреля.

Колосов Евгений. К характеристике духовенства // Наш голос (Красноярск). 1917. 8 апреля.

Колосов Евгений. Гибель русских эмигрантов // Наш голос (Красноярск). 1917. 9 апреля.

Колосов Евгений. Из литературного дневника // Наш голос (Красноярск). 1917. 11 апреля.

Колосов Евгений. Из истории провокации Малиновского // Наш голос (Красноярск). 1917. 12 апреля.

Колосов Евгений. Красноярские соц[иал]-дем[окра]ты о моих «инсинуациях» // Наш голос (Красноярск). 1917. 13 апреля.

Колосов Евгений. Еще несколько слов о том же // Наш голос (Красноярск). 1917. 13 апреля.

Колосов Евгений. Один из военнопленных русской революции // Наш голос (Красноярск). 1917. 14 апреля.

Колосов Евгений. Замечательная резолюция // Наш голос (Красноярск). 1917. 15 апреля.

Колосов Евгений. Очередные задачи совета солдатских и рабочих депутатов Красноярска // Наш голос (Красноярск). 1917. 16 апреля.

Колосов Евгений. Суд епархии над епископом Енисейским Никоном // Наш голос (Красноярск). 1917. 20 апреля.

Колосов Е.Е. Нелепые слухи. О монастырях и монастырских имуществах. Красноярск: Изд. Енисейского союза кооперативов, 1917. 10 с.

Колосов Евгений. Крестьянские съезды и их программа // Наш голос (Красноярск). 1917. 21 апреля.

Колосов Евгений. День свободной печати // Наш голос (Красноярск). 1917. 25 апреля.

Колосов Евгений. Из Красноярска на фронт // Наш голос (Красноярск). 1917. 27 апреля.

Колосов Евгений. Доклад о земельной программе п[артии] с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Наш голос (Красноярск). 1917. 27 и 28 апреля; Сибирская деревня (Красноярск). 1917. 14 и 28 мая, 4 июня.

Колосов Евгений. Программа мира германской социал-демократии // Наш голос (Красноярск). 1917. 28 апреля.

Колосов Евгений. Земельная программа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Доклад на крестьянском съезде в Красноярске 8 апреля 1917 г. Красноярск: Изд. Енисейского союза кооперативов, 1917. 15 с.

Колосов Евгений. Ответ на угрозы // Наш голос (Красноярск). 1917. 30 апреля.

Колосов Евгений. Ответ «Красноярскому рабочему» // Наш голос (Красноярск). 1917. 4 мая.

Колосов Евгений. О том, что нас волнует // Наш голос (Красноярск). 1917. 11 мая.

Колосов Евгений. Газета «Правда» о братании на фронте // Наш голос (Красноярск). 1917. 28 мая.

Колосов Евгений. Накануне нового кризиса // Наш голос (Красноярск). 1917. 29 мая.

Колосов Евгений. Грядущее самодержавие // Наш голос (Красноярск). 1917. 1 июня.

Колосов Евгений. Еще о разногласиях среди местных соц[иал]-демократов // Наш голос (Красноярск). 1917. 2 июня.

Колосов Евгений. Красноярские знаменитости // Наш голос (Красноярск). 1917. 3 июня.

Колосов Евгений. Материалы для характеристики наших общественных деятелей // Наш голос (Красноярск). 1917. 3, 4 и 13 июня.

Колосов Е.Е. Третий съезд партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] // Наш голос (Красноярск). 1917. 4 и 15 июня.

Колосов Евгений. По личному поводу // Наш голос (Красноярск). 1917. 6 июня.

Колосов Евгений. На третьем съезде партии соц[илистов]-революционеров // Наш голос (Красноярск). 1917. 7 июня.

Колосов Евгений. О Роберте Гримере и его высылке из России // Наш голос (Красноярск). 1917. 8 июня.

Колосов Евгений. О борьбе с красноярскими погромщиками // Наш голос (Красноярск). 1917. 27 июня.

Колосов Евгений. Резолюции Енисейского губернского крестьянского съезда // Наш голос (Красноярск). 1917. 28 и 29 июня.

Колосов Евгений. Дневник печати. По поводу избличения в провокации доктора Житомирского // Наш голос (Красноярск). 1917. 1 июля.

Колосов Евгений. Кто такой тов[арищ] Каминский? // Наш голос (Красноярск). 1917. 1 июля.

Колосов Евгений. Комиссары исполнительного комитета в борьбе с пьянством // Наш голос (Красноярск). 1917. 5 июля.

Колосов Евгений. Невежество или клевета // Наш голос (Красноярск). 1917. 7 июля.

Колосов Евгений. Было ли организовано кронштадтское восстание 3–5 июля? // Воля народа (Петроград). 1917. 23 июля. № 73; Наш голос (Красноярск). 1917. 2 августа.

Колосов Евгений. Письма из Кронштадта // Наш голос (Красноярск). 1917. 9 августа.

Колосов Евгений. Заявление во фронтовую комиссию при ЦИК Всероссийского съезда советов солдатских и рабочих депутатов // Дело народа (Петроград). 1917, 12 августа; Наш голос (Красноярск). 1917. 23 августа.

Колосов Евгений. Новый муниципальный журнал // Наш голос (Красноярск). 1917. 12 августа.

Колосов Евгений. Откровенные речи // Наш голос (Красноярск). 1917. 3 и 5 сентября.

Колосов Е.Е. Чему нас учил Н.К. Михайловский. Петроград: [б.и.], 1917. 96 с.

Колосов Е.Е. Н.К. Михайловский: Социология, публицистика, литературная деятельность, отношение к революционному движению. Петроград: тип. П.П. Сойкина, 1917. 95 с.

Колосов Евгений. Большевики и германская социал-демократия // Новая жизнь (Петроград). 1918. 11 января.

Колосов Е. Русское народничество и культурная работа // Культура и свобода: Сб. 1. Петроград: Сила, 1918. С. 57–66.

Колосов Евгений. Новый вид областничества // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 10 марта (25 февраля).

Колосов Евгений. К характеристике сибирской журналистики // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 17 (5) марта.

Колосов Евгений. За что их расстреляли (к расстрелу шести студентов) // Дело народа (Петроград). 1918. 23 (10) марта.

Колосов Евгений. От Ленина к генералу Баранову // Дело народа (Петроград). 1918. 27 (14) марта.

Колосов Евгений. Письма к Хлопуше // Дело народа (Петроград). 1918. 9 апреля (27 марта).

Колосов Евгений. Над трупом Франции // Дело народа (Петроград). 1918. 10 апреля (28 марта).

Колосов Евгений. Памяти М.Д. Михайловского // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 10 апреля (28 марта).

Колосов Евгений. Радостная встреча // Дело народа (Петроград). 1918. 11 апреля (29 марта).

[*Колосов Е.Е.*] Где предел? // Дело народа (Петроград). 1918. 18 (5) апреля.

Колосов Евгений. Либералы самоопределяются // Дело народа (Петроград). 1918. 18 (5) апреля.

Колосов Евгений. Дыбенко // Дело народа (Петроград) 1918. 19 (6) апреля.

Колосов Евгений. Большевистский маркиз Поза // Дело народа (Петроград). 1918. 20 (7) апреля.

Колосов Евгений. Местные исследования в аграрном вопросе // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 20 (7) апреля.

Колосов Евгений. Большевики в отставных гусарах (к перевыборам на Сестрорецком заводе) // Дело народа (Петроград). 1918. 25 (12) апреля.

Колосов Евгений. Умерла ли Франция? // Дело народа (Петроград) 1918. 3 мая (20 апреля).

Колосов Евгений. Что делается в Сибири // Дело народа (Петроград). 1918. 18 (5) мая; Тобольское народное слово. 1918. 22 июня.

Колосов Евгений. Из Петрограда в Красноярск // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 7, 18 июля.

Колосов Евгений. Пути и путы к возрождению России // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 16 июля; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 21 июля; Народная газета (Томск). 1918. 15 и 17 августа.

Колосов Евгений. К моменту // Сибирь (Иркутск). 1918. 18 июля.

Лекция Е.Е. Колосова в общественном собрании Иркутска «Выступление чехословаков и сибирское областничество» // Свободный край (Иркутск). 1918. 19 июля.

Колосов Евгений. К Иркутским событиям // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 24 июля.

Колосов Евгений. Нужны ли Советы? // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 2 августа.

Колосов Евгений. Вести с того мира // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 17 августа.

Колосов Евгений. Запрос Потанинскому кружку // Голос народа (Томск). 1918. 28 августа.

Лекция Евг. Колосова «Мировая война, чехословаки и возрождение России» // Народная газета (Томск). 1918. 30 августа.

Колосов Евгений. Русские либералы, П.Н. Милюков и немецкая ориентация // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 5 сентября.

Колосов Евгений. Бойкот областной думы и его последствия // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 6 сентября; Сибирь (Иркутск). 1918. 24 сентября.

Колосов Евгений. Ответ г-ну «Летописцу» // Голос народа (Томск). 1918. 10 сентября.

Колосов Евгений. К вопросу об организации власти // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 8 сентября.

Колосов Евгений. Правительство генерала Хорвата и «потанинский» кружок // Воля Сибири (Красноярск). 1918, 10 сентября; Голос народа (Томск). 1918. 15 сентября.

Колосов Евгений. Кадетская программа смены правительства // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 11 сентября.

Колосов Евгений. Русские либералы о немецкой ориентации // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 15 сентября.

Колосов Евгений. Еще на ту же тему // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 15 сентября.

Колосов Евгений. К покушениям на большевиков // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 18 сентября.

Колосов Евгений. Иудины грехи и русские социалисты (Вместо ответа проф. Аносову) // Голос народа (Томск). 1918. 18 сентября.

Колосов Евгений. Еще по поводу покушений на большевиков // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 19 сентября.

Колосов Е.Е. Дальний восток и наше будущее. Красноярск: Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1919. 47 с.

Колосов Евгений. Солдатский университет на фронте // День книги (Красноярск). 1919. 6 апреля.

Колосов Евгений. Правительственное решение земельного вопроса // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 27 апреля.

Колосов Евгений. Долг Англии перед Россией (по поводу лекции проф. Перса) // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 11 мая.

Колосов Евгений. По поводу двух приказов // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 25 мая.

Колосов Евгений. У могилы Г.А. Лопатина // Сибирские записки. Красноярск, 1919. № 2. С. 70–88.

Русский социалист [Колосов Е.Е.] Крестьянское движение по Енисейской губернии и его вожди // Чехословацкий дневник. 1919. № 264, 267, 268.

[Колосов Е.Е.] Японская политика на Дальнем Востоке // Народный голос (Красноярск). 1919. 26 и 30 декабря.

Колосов Евгений. Чего нам ждать от большевиков? // Народный голос (Красноярск). 1919. 26 декабря.

[Колосов Е.Е.] Красноярск, 27 декабря. [Приемы борьбы колчаковских вооруженных сил с повстанцами] // Народный голос (Красноярск). 1919. 27 декабря.

[Колосов Е.Е.] Красноярск, 28 дек. [Земство и текущий момент] // Народный голос (Красноярск). 1919. 28 декабря.

[Колосов Е.Е.] Красноярск, 30 дек. [События в Иркутске] // Народный голос (Красноярск). 1919. 30 декабря.

[Колосов Е.Е.] Красноярск, 31 дек. [Общественное движение] // Народный голос (Красноярск). 1919. 31 декабря.

¹ Письмо Н. Калиновского Е.Е. Колосову [Красноярск, июнь 1917 г.] // ГАРФ. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

² *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975; *Шишкин В.И.* Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конференции. М., 1983. С.98–110; *Он же.* Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1984. № 14. Вып. 3. С. 8–14; *Черняк Э.И.* Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. (К истории банкротства партии). Томск, 1987; *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири во власти и оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002; и др.

³ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 75.

⁴ *Леонтьев Я.* Колосов Евгений Евгеньевич // Политические партии России (конец XIX – первая половина XX в.). Энциклопедия. М., 1996. С. 260–261; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С. 725; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. С. 581; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 315–316; *Шишкин В.И.* Колосов Евгений Евгеньевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 106–107.

-
- ⁵ *Колосов Е.Е.* Хроники двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. (Документальная криминальная история первой трети XX века, происходившая в России, Италии и Советском Союзе) // URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/1.htm> (дата обращения: 01.06.2012).
- ⁶ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 4, 5.
- ⁷ См.: *Колосов Е.Е.* Н.К. Михайловский: Социология, публицистика, литературная деятельность, отношение к революционному движению. Пг., 1917.
- ⁸ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке... С. 6.
- ⁹ Копия заявления Е.Е. Колосова в Узбекхлопок от 9 декабря 1929 г. Документ из личного архива Т.Е. Колосовой // *Колосов Е.Е.* Хроники двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. Красноярск. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/0.htm> (дата обращения: 10.12.2011).
- ¹⁰ *Колосов Е.Е.* Как нам относиться к Государственной Думе. Париж, 1911. С. 22; и др.
- ¹¹ См.: *Каюров В.Н.* Сормово в первой революции. Н. Новгород, 1930. С. 128; *Забурдаев Н.А.* Студент, курсистка и другие. Из истории революционного движения в Нижнем Новгороде // Записки краеведов. Н. Новгород, 1991. Вып. 9. С. 34; *Гуревич В.Я.* Февральская революция в Красноярске // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник / Ред. И.А. Якушев. Прага, 1927. № 2. С. 127.
- ¹² Утверждение, что Колосов был членом ЦК партии эсеров, тиражируется в справочных публикациях. Однако документальных подтверждений его работы в качестве члена ЦК не обнаружено. Напротив, Колосов обычно иронизировал, если его называли «лидером» эсеров, а в 1929 г. письменно заявил, что никогда не был членом ЦК.
- ¹³ *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 26.
- ¹⁴ Заявление Е.Е. Колосова о выходе из партии 17 апреля 1909 г. // РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 551. б. л.
- ¹⁵ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 725.
- ¹⁶ *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров... С. 569.
- ¹⁷ Письмо Е.Е. Колосова Г.Н. Потанину. Красноярск, 26 октября 1916 г. // НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. К. 1276. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁹ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. С. 6.
- ²⁰ Наш голос (Красноярск). 1917. 24 июля; Триста лет города Красноярска. 1628–1928. Новосибирск, 1928. С. 35, 38.

- ²¹ На крестьянском съезде // Наш голос (Красноярск). 1917. 12 апреля; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 1992. С. 18–23.
- ²² В исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов вошли 10 социал-демократов, шестеро эсеров и четверо беспартийных (Красноярский совет (март 1917 – июнь 1918 г.)). Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов. Сб. док. / Ред. М.Б. Шейнфельд, А.И. Козлова, И.М. Кураева, В.А. Степынин. Красноярск, 1960. С. 85).
- ²³ *Колосов Евгений*. Крестьянские съезды и их программа // Наш голос (Красноярск). 1917. 21 апреля
- ²⁴ Не у дел // Красноярский рабочий. 1917. 4 июня; Красноярский совет (март 1917 – июнь 1918 г.)... С. 108.
- ²⁵ См.: Съезды, конференции и совещания... С. 72–80.
- ²⁶ От редакции // Наш голос (Красноярск). 1917. 16 марта.
- ²⁷ Временная Сибирская областная дума. Стенографический отчет. Вторая сессия. Заседание второе // ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740. Л. 52; *Колосов Евгений*. Иудины грехи и русские социалисты // Голос народа (Томск). 1918. 18 сентября.
- ²⁸ В 1917–1919 гг. Колосов почти не прибегал к псевдонимам. До 1917 г. он подписывал свои произведения М. Горбунов, Э. Коляри, а после – Д. Кузьмин и др. (См.: Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т.4. С. 239).
- ²⁹ *Колосов Евгений*. Замечательная резолюция // Наш голос (Красноярск). 1917. 15 апреля.
- ³⁰ *Колосов Евгений*. Третий съезд партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] // Наш голос (Красноярск). 1917. 4 и 15 июня; *Он же*. Еще о разногласиях среди местных соц[иал]-демократов // Наш голос (Красноярск). 1917. 2 июня; и др.
- ³¹ Там же.
- ³² *Колосов Евгений*. Третий съезд партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] // Наш голос (Красноярск). 1917. 15 июня.
- ³³ *Колосов Евгений*. Красноярские соц[иал]-дем[окра]ты о моих «инсинуациях» // Наш голос (Красноярск). 1917. 13 апреля.
- ³⁴ *Колосов Евгений*. Газета «Правда» о братании на фронте // Наш голос (Красноярск). 1917. 28 мая.
- ³⁵ *Колосов Евгений*. Накануне нового кризиса // Наш голос (Красноярск). 1917. 29 мая.
- ³⁶ *Колосов Евгений*. Красноярские знаменитости // Наш голос (Красноярск). 1917. 3 июня.

- ³⁷ *Колосов Евгений*. О том, что нас волнует // Наш голос (Красноярск). 1917. 11 мая.
- ³⁸ *Колосов Евгений*. Грядущее самодержавие // Наш голос (Красноярск). 1917. 1 июня.
- ³⁹ *Колосов Евгений*. Красноярские знаменитости // Наш голос (Красноярск). 1917. 3 июня; *Колосов Е.Е.* Материалы для характеристики наших общественных деятелей // Наш голос (Красноярск). 1917. 3, 4 и 13 июня.
- ⁴⁰ *Колосов Евгений*. Красноярские знаменитости // Наш голос (Красноярск). 1917. 3 июня.
- ⁴¹ *Колосов Евгений*. Комиссары исполнительного комитета в борьбе с пьянством // Наш голос (Красноярск). 1917. 5 июля.
- ⁴² *Колосов Евгений*. О борьбе с красноярскими погромщиками // Наш голос (Красноярск). 1917. 27 июня.
- ⁴³ Наш голос (Красноярск). 1917. 27 и 28 апреля; Сибирская деревня (Красноярск). 1917. 14 и 28 мая, 4 июня.
- ⁴⁴ *Колосов Е.Е.* Земельная программа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Доклад на крестьянском съезде в Красноярске (8 апреля 1917 г.). Красноярск: Изд. Енисейского союза кооперативов, 1917. С. 4.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 8.
- ⁴⁷ См.: *Миронов Б.Н.* Причины русских революций // Родина. М., 2009. № 12. С. 92–97.
- ⁴⁸ *Колосов Е.Е.* Земельная программа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]... С. 11.
- ⁴⁹ Сообщение // Наш голос (Красноярск). 1917. 26 июля.
- ⁵⁰ *Колосов Евгений*. Было ли организовано кронштадтское восстание 3–5 июля? // Воля народа (Пг.). 1917. 23 июля; Наш голос (Красноярск). 1917. 2 августа.
- ⁵¹ Ценз комиссаров // Рабочий и солдат (Пг.). 1917. 29 июля; *Шумяцкий Б.З.* К уходу кронштадтского комиссара // Рабочий и солдат (Петроград). 1917. 6 августа; Красноярский рабочий. 1917. 22 августа; *Колосов Евгений*. Заявление во фронтовую комиссию при ЦИК Всероссийского съезда советов солдатских и рабочих депутатов // Дело народа (Петроград). 1917. 12 августа; Наш голос (Красноярск). 1917. 23 августа.
- ⁵² *Колосов Евгений*. Заявление во фронтовую комиссию...
- ⁵³ *Колосов Е.Е.* Хроники двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. Красноярск. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/0.htm> (дата обращения: 10.12.2011).
- ⁵⁴ *Колосов Евгений*. Откровенные речи // Дело народа (Петроград). 1917. 5 сентября.

- ⁵⁵ *Колосов Е.* Русское народничество и культурная работа // *Культура и свобода.* Петроград, 1918. С. 66.
- ⁵⁶ *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы, 1900–1922 гг.* в 3 тт. М., 2000. Т. 3. Ч. 2. С. 144–145.
- ⁵⁷ Там же. С. 182–187.
- ⁵⁸ *Наш голос (Красноярск).* 1917. 1 августа; Съезды, конференции и совещания... С. 95–96.
- ⁵⁹ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке... С. 68.
- ⁶⁰ *Фигнер В.Н.* Возникновение общества «Культура и свобода» и его задачи // *Культура и свобода.* Сб. статей. Петроград, 1918. С. 4.
- ⁶¹ *Колосов Евгений.* Из Петрограда в Красноярск // *Воля Сибири (Красноярск).* 1918. 7 июля.
- ⁶² *Колосов Евгений.* Письмо В.П. Колосовой [Петроград, 8 марта 1918 г.] // ГАРФ. Ф. 1805. Оп.1. Д. 9. Л. 1.
- ⁶³ Доклад Е. Колосова «Из жизни партии». Оттиск газетных гранок. Иркутск, июль 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 14. Л. 146.
- ⁶⁴ *Колосов Евгений.* Из Петрограда в Красноярск // *Воля Сибири (Красноярск).* 1918. 7 и 18 июля.
- ⁶⁵ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке... С. 71.
- ⁶⁶ *Юрьев А.В.* Гибель и спасение Сибири // *Сибирская жизнь (Томск).* 1918. 18 июня. «Потанинский кружок» – так именовалась неформальная группа интеллигентов, образовавшаяся летом 1917 г. и состоявшая преимущественно из томичей, разделявших взгляды патриарха сибирского областничества Г.Н. Потанина. В нее входили редактор газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианов, профессора Томского университета историк С.И. Гессе и юрист Н.Я. Новомбергский, юрист А.Н. Гаттенбергер, врач А.А. Грацианов, чиновник Ф.К. Зобнин, присяжный поверенный С.Ф. Петров и др. Его члены активно участвовали в организации государственной власти в Сибири, заняли ключевые места в административном аппарате антибольшевистских правительств. (См.: *Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.)* / Сост. и научный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 782).
- ⁶⁷ *Колосов Евгений.* Письмо В.П. Колосовой [Петроград, 1–3 июля 1918 г.] // ГАРФ. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
- ⁶⁸ См.: *Временная Сибирская областная дума. Стенографический отчет. Вторая сессия. Заседания 1, 2, 3.* Томск, 1918; ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740.
- ⁶⁹ См.: *Временная Сибирская областная дума. Стенографический отчет. Вторая сессия. Заседание второе, 17 августа 1918 г.* Томск, 1918. С. 12–13.
- ⁷⁰ См.: *Стенографический отчет заседания Временной Сибирской областной думы 19 августа 1918 г.* // ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740. Л. 47–50.

- ⁷¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 144.
- ⁷² Доклад председателя Самарского Комитета членов Учредительного собрания В.К. Вольского на заседании 9-го совета партии правых эсеров о политике эсеров и их соглашениях с большевиками // Исторический архив. М., 1993. № 3. С. 133.
- ⁷³ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке... С. 155.
- ⁷⁴ Колосов Е.Е. Дальний восток и наше будущее. Публичные лекции. Красноярск, 1919. С. 5.
- ⁷⁵ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке... С. 156.
- ⁷⁶ Заседание Сибирской областной думы 10 ноября 1918 г. // Голос народа (Томск). 1918. 14 ноября.
- ⁷⁷ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке... С. 75.
- ⁷⁸ Колосов Евгений. Новый вид областничества // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 10 марта (25 февраля).
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Колосов Евгений. От Ленина к генералу Баранову // Дело народа (Петроград). 1918. 27 (14) марта.
- ⁸¹ Колосов Евгений. Письма к Хлопуше // Дело народа (Петроград). 1918. 9 апреля (27 марта).
- ⁸² Колосов Евгений. Дыбенко // Дело народа (Петроград) 1918. 19 (6) апреля.
- ⁸³ Колосов Евгений. Радостная встреча // Дело народа (Петроград). 1918. 11 апреля (29 марта).
- ⁸⁴ Колосов Евгений. Большевики в отставных гусарах // Дело народа (Петроград). 1918. 25 (12) апреля.
- ⁸⁵ Колосов Евгений. Либералы самоопределяются // Дело народа (Петроград). 1918. 18 (5) апреля.
- ⁸⁶ Колосов Евгений. Новый вид областничества // Вольная Сибирь (Петроград). 1918. 10 марта (25 февраля); *Он же*. Большевики в отставных гусарах // Дело народа (Петроград). 1918. 25 (12) апреля.
- ⁸⁷ Колосов Евгений. Нужны ли Советы? // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 2 августа.
- ⁸⁸ Колосов Евгений. К моменту // Сибирь (Иркутск). 1918. 18 июля.
- ⁸⁹ Шишкин В.И. Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 146.
- ⁹⁰ Колосов Евгений. Правительство генерала Хорвата и «потанинский» кружок // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 10 сентября; Голос народа (Томск). 1918. 15 сентября.
- ⁹¹ См.: Колосов Е.Е. Дальний Восток и наше будущее... С. 26–33, 39.

-
- ⁹² Там же. С. 33.
- ⁹³ *Колосов Евгений*. Кадетская программа смены правительства // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 11 сентября.
- ⁹⁴ *Колосов Евгений*. Бойкот областной думы и его последствия // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 6 сентября
- ⁹⁵ *Колосов Евгений*. Русские либералы о немецкой ориентации // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 15 сентября.
- ⁹⁶ *Колосов Евгений*. Вести с того мира // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 17 августа.
- ⁹⁷ *Колосов Евгений*. Еще на ту же тему // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 15 сентября.
- ⁹⁸ *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке... С. 90.
- ⁹⁹ Там же. С. 123–124.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 175–176.
- ¹⁰¹ Там же. С. 182.
- ¹⁰² См.: *Шишкин В.И.* Политические позиции эсеров... С. 11.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ *Иванов Вс.Н.* Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 50.
- ¹⁰⁵ См.: Последние дни колчаковщины. Сб. док. / Ред. М.М. Константинов. М.-Л., 1926. С. 179–188.
- ¹⁰⁶ Журнал заседания мирной делегации Политцентра с Реввоенсоветом 5-й армии и Сибирским революционным комитетом, 19 января 1920 г. // Сибирские огни (Новосибирск). 1927. № 5. С. 142.
- ¹⁰⁷ *Колосов Евгений*. У могилы Г.А. Лопатина // Сибирские записки (Красноярск). 1919. № 2. С. 70.
- ¹⁰⁸ *Колосов Е.Е.* Дальний Восток и наше будущее... С. 4.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 11.
- ¹¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹¹ *Колосов Е.Е.* Дальний Восток и наше будущее... С. 36.
- ¹¹² *Гайда Р.* Письмо Томскому биржевому комитету. Екатеринбург, 14 января 1919 г. // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 31 января.
- ¹¹³ *Колосов Е.Е.* Дальний Восток и наше будущее... С. 45.
- ¹¹⁴ Там же. С. 41.
- ¹¹⁵ *Колосов Евгений*. Правительственное решение земельного вопроса // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 27 апреля.
- ¹¹⁶ Декларация Российского правительства от 8 апреля 1919 г. // Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 апреля.
- ¹¹⁷ *Колосов Евгений*. Долг Англии перед Россией (по поводу лекции проф. Перса) // Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 11. С. 4.
- ¹¹⁸ Там же. С. 5.

-
- ¹¹⁹ Приказ войскам Сибирской армии командующего генерал-лейтенанта Р. Гайды. Екатеринбург, 6 мая 1919 г. № 275 // Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 9 мая.
- ¹²⁰ Приказ полк. Прхалы. Красноярск, 10 мая 1919 г. // Новое земское дело (Красноярск). 1919. 25 мая.
- ¹²¹ *Колосов Евгений*. По поводу двух приказов // Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 12–13. С. 5.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 6.
- ¹²⁴ Воззвание // Народный голос (Красноярск). 1919. 26 декабря.
- ¹²⁵ *Колосов Евгений*. Чего нам ждать от большевиков? // Народный голос (Красноярск). 1919. 26 декабря.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ [*Колосов Е.Е.*] Красноярск, 28 дек. [Земство и текущий момент] // Народный голос (Красноярск). 1919. 28 декабря.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.